

попаданец

Георгий Лопатин

КНЯЗЬ РУС

ПОСЛАНЕЦ СВАРОГА

Георгий Васильевич Лопатин
Князь Рус. Посланец Сварога
Серия «Попаданец (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69902905

ISBN 978-5-17-160117-1

Аннотация

Славянские племена под угрозой. Вот-вот начнется нашествие жестокого кочевого племени авар, что в реальной истории поработили славян на многие столетия, используя их как смазку для клинков, бросая на смерть – штурмовать ромейские города. Лишь немногие смогли уйти и скитаться по далекому и холодному северу, скупому на ресурсы, как пищевые, так и полезными ископаемыми. Но благодаря попавшей в прошлое в тело князя Руса душе нашего современника, все может измениться...

Содержание

Пролог	5
1	12
2	21
3	26
4	33
5	40
6	52
7	61
8	72
9	80
10	89
11	99
12	107
13	112
14	118
15	131
16	139
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Георгий Лопатин

Князь Рус.

Посланец Сварога

© Георгий Лопатин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

Есть на севере загадочные, выложенные из камней круги-лабиринты. Хотя к классическим лабиринтам с тупиками они не имеют никакого отношения, просто ведущая к центру специфически изогнутая дорожка без ответвлений. Кто их сделал, когда, а главное, каким целям они служили, доподлинно ныне неизвестно. То ли площадка для шаманских камланий, каких-то социальных обрядов вроде свадебных, то ли вообще похоронных, для перехода душ усопших в иной мир, а может, еще для чего-то...

Но еще до того, как о них стало хорошо известно широкой общественности благодаря газетам, телевизионным передачам, а потом и интернету, в одно из таких мест с кругом диаметром в тридцать метров с начала восьмидесятых годов любила приезжать на выходные семья Орловых, Василий Васильевич и Полина Викторовна, благо имелась собственная машина, старенькая двадцать первая «Волга», но в хорошем состоянии, так как у главы семейства руки росли откуда надо и ремонт производился качественно.

Рыбачили, жарили шашлыки, собирали ягоды и грибы, иногда охотились на мелкую живность, в общем устраивали классический пикник на природе. Ездили даже зимой, хоть и реже, чем летом, но раз в месяц в хорошую погоду обязательно вырывались из шумного и вонючего города Петра

творенья, что навевал своим унылым серым видом, да еще в столь непростое время для страны, чувство даже не тоски, а какой-то беспросветной обреченности, ведь наступили лихие девяностые...

Здесь, на природе, оставив суетную цивилизацию за спиной, плохие мысли постепенно уходили, хандра слетала, и становилось легче дышать. Даже больше: появлялся заряд бодрости.

Брали с собой и своего малолетнего сына Василия (была в их семье такая традиция – всем первенцам давать имя Василий), для которого эти поездки стали самым желанным событием. Во время этих путешествий он был по-настоящему счастлив.

Став чуть взрослее, Василий понял, что его родители слегка... нестандартные, по крайней мере по сравнению с родителями его одноклассников. Нет, не психи и даже не сектанты какие, но... определенно несколько хиппанутые, разве что дурью не увлекаются, более того, даже не курили и спиртное употребляли только по большим праздникам и очень в меру. Опять же, на ставшую модной в стране эзотерику подсади, йогой занялись, про всякие там чакры с аурами читают, третий глаз открывают и прочую ересь изучают типа феншуй, хиромантии да гороскопов.

Василий, естественно, тоже не избежал этого поветрия, и немудрено, ведь родители все равно вольно или невольно становятся объектом для подражания. Но, как ему казалось,

он изучал более практичные вещи, а именно гипноз и самогипноз. Последняя дисциплина давалась ему особенно хорошо, так что однажды, несколько увлекшись изучением и оттачиванием одной методики, чуть в кататоническое состояние не впал. Хорошо, не усидел и свалился на пол со стула, больно стукнувшись плечом. Но занятия не бросил. Васе казалось, что это помогает ему в учебе лучше запоминать материал. Учился он и впрямь неплохо, отличником не был (математика и все, что связано с цифрами, почему-то плохо поддавалось подобному способу изучения, даже даты исторических событий усваивал с трудом), но и троек тоже не имел. Особенно хорошо шли гуманитарные предметы, литература, история и иностранные языки, так что он довольно легко освоил школьные курсы английского и немецкого, самостоятельно изучил французский и даже нацелился на итальянский...

Шло время, и Василий Орлов стал ездить один, пытаясь подзарядиться и сбросить накопившуюся эмоциональную тяжесть, чтобы пережить очередную тяжелую рабочую неделю... Увы, пока служил в армии обычным мотострелком, родители, возвращаясь из очередного вояжа «подзарядки», попали в автомобильную аварию. На встречу вылетел джип «мерседес» с мажорчиком под кайфом...

Мажорчик выжил и даже пострадал не сильно, спасла подушка безопасности. И от ответственности в итоге увернулся. Вроде как ни в одном глазу, а что машина вылетела, так

это из-за технической неисправности – руль заклинило. Типа несчастный случай, никто не виноват. Так что продолжил этот мажорчик и дальше веселиться, по клубам бегать да с девками гулять как ни в чем не бывало. Правда, недолго... Случилась у него передозировка сильная. Поудивлялись, конечно, знающие люди, ведь дозы у него были все отмерены в специальных патетиках, а тут отчего-то сразу десять доз себе в вену вкатил, но разбираться не стали. Чего с нариком возиться, когда других дел выше крыши? Насильники, маньяки да убийцы бегают табунами. А нарики эти пусть хоть все сторчатся.

Какое-то время Василий пытался приохотить к поездкам жену, но она не проявила большого энтузиазма, предпочитая ночные клубы. А потом и вовсе семейный корабль налетел на подводные рифы жизни, когда он обнаружил, что ему надо лечиться от одной специфической болячки, передающейся половым путем. Не повезло. Бывает. Гормоны, то да се... Не разглядел, в общем. Хорошо хоть, не СПИД. Да и поначалу была такой правильной... И гипнотизировать-программировать ее «на верность» Василий посчитал неэтичным, нечестным (иначе это ведь все равно что с живым роботом жить, с чем-то ненатуральным, подделкой, кому-то, может, и в кайф было бы сделать себе полностью послушную куклу, исполняющую все его прихоти, но не ему), потому вообще в личных отношениях никогда не пользовался гипнозом (разве что на работе чуть-чуть, для установления доброжелательного на-

строая в коллективе), вот и аукнулось ему его чистоплюйство.

Василий невольно скривился, сбрасывая негативные воспоминания личной неудачи, что нет-нет да накатывали болезненной волной, внося в душу раздрай, и включил радио. Как раз шла метеосводка. На севере, да еще в прибрежной зоне, погода меняется резко, вот вроде тихо все, а через десять минут – шторм, так что послушать обновленный прогноз погоды не мешало.

Но ничего не поменялось, все те же двадцать пять тепла, что для середины сентября было весьма хорошо, разве что на данной волне сообщили о мощной солнечной вспышке, случившейся аккурат три дня назад, а значит, поток заряженных частиц вот-вот должен был достигнуть Земли, и рекомендовали сердечникам и прочим метеочувствительным людям держать необходимые лекарства под рукой и особо физически и психологически не напрягаться.

– ...Так что мы с вами, дорогие радиослушатели, в ближайшие часы можем стать свидетелями такого интересного и красивейшего явления, как северное сияние...

Василий выключил радио и снова скривился из-за очередного плохого воспоминания. Жена не оценила тогда небесного зрелища. Холодно ей, видите ли, было; комары, понимаешь; дескать, видела уже... по телевизору.

Сорок лет в этот день должно было исполниться. И вот навалилась какая-то зеленая тоска. Знакомые говорили про кризис среднего возраста... Дескать, надо стиснуть зубы и

перетерпеть, только не пускаться во всякие безумства, что иногда случается с людьми в такой непростой период жизни. И он сам, прекрасно зная об этом, терпел, но не вытерпел и прямо в обеденный перерыв посреди рабочей недели сорвался на «свое место», для чего взял отгул, благо был у начальства на хорошем счету... что немудрено с его-то способностями.

Он все-таки решил забить на странную традицию и отметить свой день рождения, пусть и в одиночестве. Ну а то, что эту дату не празднуют (видимо, в память о хазарских каганах, коих в сорок лет ритуально удавливали), ему было наплевать.

Пить, правда, не стал, не приучен, тем более в одиночку. Просто разбил палатку и пошел рыбачить, постепенно чувствуя, как его отпускает и все проблемы становятся какими-то далекими и несущественными. Было ли это самовнушением, в котором он так хорошо продвинулся? Василий не знал. Но так ли это важно, если помогает? Так что он не собирался заниматься самоанализом. Увлекаться самокопанием тоже не стоит.

Подступил вечер, стало темнеть, и Василий запек улов, коим и поужинал, открыв-таки прихваченную бутылку белого вина. Почему-то именно в этот день как никогда остро захотелось вернуться назад в свое беззаботное и счастливое детство...

Странно, но в этот раз уснуть Орлов почему-то долго не

мог. Выбрался из палатки и долго сидел в раскладном кресле, наблюдая за птицами и провожая взглядом проходящие вдалеке корабли. А потом стало не до сна, началось обещанное радиоведущим северное сияние. Величественное и завораживающее зрелище. Он не раз и не два наблюдал это явление, но каждый раз оно для него было, как в первый раз. Но сейчас было особенно хорошо, тело наполнила необычайная легкость...

Василий очень долго не отрываясь смотрел на светящиеся зеленые переливы в небесах, да так, что сам не заметил, как вошел в сомнамбулическое состояние и, не отдавая себе отчета в собственных действиях, встал и, словно лунатик, пошел к каменному лабиринту, а потом двинулся по тропе, чего он давно не делал. С далекого детства не делал. Лишь где-то на грани сознания пульсировала одна мысль-желание: вернуться в прошлое и изменить свою как-то криво сложившуюся, на удивление серую жизнь...

Вот он дошел до центра и встал на центральный камень. В следующий момент Василий ощутил себя невесомым, а потом его словно начало высасывать из тела. Мгновение, и Василий Васильевич Орлов рухнул как подкошенный.

1

Василий Орлов открыл глаза и медленно осмотрелся. Обстановка, мягко говоря, его несколько удивила, да и в целом не понимал, что произошло и где он. Было сумрачно. В качестве единственного источника света выступало небольшое квадратное окошко над низкой дверью, настолько низкой, что в окно можно было посмотреть, встав напротив него. Ну как окошко? Просто отверстие без намека на остекление, так что при желании еще и голову можно высунуть для лучшего обзора. При нужде его можно закрыть ставней изнутри.

Да и за окном тем, похоже, наступил вечер или просто установилась пасмурная погода из-за темных грозowych туч, затянувших все небо.

– Или все вместе... – пробормотал он. – Пожалуй, что пасмурный вечер.

Почему такой вывод? Ну так пахло сыростью и свежестью, как бывает после дождя. А после дождя облачный покров все-таки, как правило, хоть частично, но рассеивается...

– Так это что, я минимум сутки тут валяюсь?.. – дошла до него ситуация.

Глаза адаптировались к сумраку, и Василий, еще раз обведя взором вокруг, наконец смог определить, что помещение довольно большое, квадратов на двадцать, прямоугольное. Стены бревенчатые, но сложенные не классическим срубом,

а стоят вертикально, вкопанные в землю. С обработкой тоже не заморачивались: бревнышки кривые, и если бы не напи-хали мха, зияли щели. Вдоль стен стоят широкие лавки, под которыми лежали плетеные корзины и ящики-сундуки, при этом он сам почему-то лежит не на одной из них, а по центру, по всей видимости, на столе.

Было не слишком мягко. Шкура, на которой он, собственно, и возлегал, совсем не матрац, и укрыт шкурой же неясного происхождения, не то овчина, не то медвежья, не то еще какая...

По углам помещения на небольших полочках находились глиняные лампадки а-ля лампа Аладдина. Справа от двери увидел очаг из камня-плитняка, примерно полметра на метр и полметра высотой. Без трубы, а значит, отопление шло по-черному. Так что окошко это, надо думать, выполняло роль дымохода... Потолок отсутствовал, вместо него сразу виднелась сильно закопченная пологая двускатная крыша из жердей.

Взгляд продолжил скользить по третьему кругу, отмечая все новые детали. На стенах висели связки различных трав, какие-то веревки, на полках стояло множество глиняных горшков самых разных форм и размеров. Все изрядно под-копченные, а значит, ими регулярно пользовались, ставя на огонь и что-то в них готовя, и не факт, что еду... Имелись чистые кувшинчики.

Запах в помещении стоял не самый приятный, ну или,

скорее, непривычный. Это, конечно же, запах застарелого дыма. Его разбавляли флюиды свежего гербария, еще не успевшего прокоптиться. Дальше нос учуял что-то прокисшее, к этому запаху добавлялся аромат мочевины и чего-то еще...

Василий постарался отрешиться от запахов. Сейчас это не самое важное. Важно совсем другое...

– Где это я?..

Все говорило в пользу того, что в доме (или даже скорее в полуземлянке) знахаря.

– Мрак... Это каким же надо быть апологетом староверчества, чтобы вот в такой исконно-посконной старине жить? Но что-то я не слышал о таких сектантах в наших краях...

Так что мысль о староверах он отбросил сразу, они обитают где-то далеко за Уралом, тем более такие упоротые на старине.

– Может, реконструкторы?

Это было уже реальнее.

– Старославянские или викинги...

Орлов и сам не являлся новичком реконструкторского движения, причем стоял у самых его истоков еще в СССР. В конце восьмидесятых – в начале девяностых стало популярно «индейское движение», в котором состояли еще его родители, то есть одевались как индейцы, делали украшения своими руками, даже национальную индейскую избу собирали... вигвам называется. Это уже потом пошли все эти ви-

кинги с рыцарями, римские легионеры, а также наполеоновская тема, ну и, конечно, Первая и Вторая мировая.

Василий по инерции везде успел поучаствовать, даже на слеты толкинистов пару раз заносило с этими эльфями и гномами, пока движения не встали окончательно на коммерческие рельсы, а как известно, куда приходят деньги, оттуда уходит душа. Ну и просто из возраста вышел, хотя таких старичков, как он, там хватало с избытком.

– Не понял...

Его, как говорится, начали терзать смутные сомнения... Во-первых, острота зрения. К своим сорока оно у него стало не ахти. Приходилось уже носить очки чтобы видеть вдаль. Сейчас же со зрением не было никаких проблем, несмотря на сумерки, он видел все ясно и четко.

А во-вторых, ощущение во рту... Не поганый прикус, имевший место быть. В общем, язык давал четко понять, что у него идеально ровный прикус, словно после хорошей такой работы дантиста с установкой «фарфоровой голливудской улыбки». А ведь имелись в этом плане проблемы... В общем, неровные у него были зубы.

Орлов, осознав неправильность, быстро проверил остальные зубы кончиком языка. И осмотр подтвердил, что зубы определенно не его: ни одной пломбы. Рефлекторно дернул рукой, но до рта, чтобы проверить уже все пальцами, не донес: рука принадлежала явно не ему.

Это рука была крепкая, грубая и натруженная, о чем

свидетельствовали специфические мозолистые уплотнения на коже. Его собственные руки имели вид куда как более «аристократический», то бишь классические длани офисного планктона, что только и делали, как отбивали пальцами кнопки на клавиатуре да иногда брали ручку, чтобы поставить подпись.

Посмотрел на вторую руку. Зачем-то сравнил их между собой. Затем пропальпировал лицо. Хотя это было лишним, ибо на ощупь он и свое бы лицо не опознал. Хотя это тоже подтвердило пришедший ему в голову вывод, так как бороды он не носил, а сейчас она имела место быть, и волосы до плеч при его-то коротком ежике.

«Оп-па-на... приплыли...» – тягуче проползла тяжелая мысль.

– Я попал...

«Мечты, что называется, сбываются... – горько и даже несколько истерично подумал Орлов. – Хотел попасть в прошлое? Ну так ты попал... Ну а то, что хотел в собственное детство и своем теле очутиться, а в итоге улетел несколько дальше по времени и в чужую тушку угодил, ну так что ж... накладочка вышла у мироздания, бывает...»

Василий закрыл глаза и глубоко задышал, пытаясь унять дрожь, что начала колотить его тело. Шок. От него никуда не деться. Оставалось только радоваться, что лежит в доме-полуземлянке в одиночестве и еще никто не зашел внутрь и не заметил, что он очнулся. Василию требовалось некото-

рое время для принятия самого факта попадания, ну и как-то сориентироваться в ситуации, выстроить какую-то линию поведения.

С последним обстояло хуже всего, ведь он ничего не знал о реципиенте. Какого-то присутствия хозяина тела он тоже не ощущал. Не была доступна и память реципиента, но ему очень хотелось верить, что это все же временно и доступ к информации он скоро получит, потому как без инфы ему кирдык.

О том, чтобы признаться, что он вселенец из будущего, даже мысли у Орлова не возникло. Ничего хорошего его в таком случае не ждало бы. На костре, может, и не сожгут, хотя совсем не факт, все зависит от эпохи, но и на свободе не оставят, запрут в монастыре на хлеб и воду и начнут изгонять беса, а уж какими методами, так это даже лучше не знать.

Василий пошарил у себя (теперь уже у себя) на груди и нащупал нечто на шее, но по форме явно не крестик. Кружок типа монетки.

– Ага, все-таки времена викингов... Монастырь отменяется, просто принесут в жертву богам.

В руке болтался оберег, выполненный из темного металла, пока неясно, какого. Он его узнал сразу, все-таки в теме, а именно знак Перуна в виде руны «П». На другой стороне медальона находился знак «Секира Перуна».

«Отыгрывать беспамятного? – лихорадочно размышлял он. – А с чего бы я эту память вдруг потерял? Голова вроде

целая, значит, никто мне по тыковке не засветил...»

Вариант выглядел крайне слабым еще и потому, что если бы реципиент реально потерял память, то говорить он все равно стал бы как раньше или вообще превратился бы в немого, да еще пускающего слюни дурачка, а Орлов местного наречия не понимает.

«Разве что еще и немым до кучи прикинуться да язык со временем выучить? Благо у меня с этим проблем не возникнет, пара месяцев, и буду записным аборигеном... – мелькнула дополнительная спасительная идея. – Нет, это вообще уж ни в какие ворота не лезет. Окончательно запишут в помешанные, и тогда придется валить из родных мест, далеко и быстро. Все бы ничего, но, не имея никого за спиной, по жизни ничего не добиться ни в мои времена, ни тем более сейчас. А сейчас, судя по всему, у меня неплохой стартовый капитал, даже если я простой воин, глупо его потерять и все начинать с нуля. Так что даже с памятью нужно извратиться, но вывернуться!»

– Стоп... без паники... – сказал он себе. – Попробуем кое-что из ментальных техник... Авось поможет...

Орлов, усилием воли подавив в себе стремительно прогрессирующую душевную сумятицу, вспомнил о самогипнозе, что его по жизни раньше хорошо выручал.

«И что в конечном итоге закинул меня сюда... – пробурчал он мысленно. – Хотя без этого долбаного круга, да еще в сочетании с северным сиянием, явно не обошлось...»

Василий невольно задумался о том, что можно попытаться вернуться.

«Если есть куда... – резонно засомневался он в такой возможности. – Вдруг я там умер? В лучшем случае попаду в другое тело. Вот только кто сказал, что следующий вариант окажется лучше нынешнего? Это тело хоть молодое, здоровое и сильное, а могу попасть в дряхлого калеку старика-шамана, да еще в более глубокую эпоху, в каменный век в какого-нибудь неандера. Оно мне надо? Оно мне сто раз не надо... разве что совсем припрет».

Выбросив лишние мысли из головы, Василий начал мысленно зачитывать мантру, впадая в состояние отрешения, но с фиксацией задания на раскрытие памяти тела.

Несмотря на все с ним произошедшее, а также тревожную окружающую обстановку из-за опасения, что его в любой момент могут проведать и сбить с настроения, самогипноз у Орлова, на удивление, получился как по маслу, так легко и быстро, как в прежней жизни не всегда получалось даже в идеальных условиях и при внешних вспомогательных факторах (специальная музыка и медиатор-концентратор, в качестве которого у гипнотизеров выступает какой-то предмет, на котором концентрируется внимание «жертвы»).

«Кто я? Чье тело занял?» – вопрошал себя Василий Орлов на каком-то ином слое сознания.

В голове что-то забрезжило, заворочалось, как бывает, когда пытаешься вспомнить что-то давно забытое, ухватывая

ассоциативные ниточки. А в следующий момент в голове словно взорвалась сверхновая, и вместе со вспышкой всепоглощающей боли ответ был получен, причем в полном объеме.

– А-а-а!!! – в голос заорал Василий, обхватывая и с силой сжимая голову руками, словно боясь, что ее сейчас разорвет на несколько частей.

Хлынувшая бурным потоком информация – память реципиента – чуть не раздавила его подселившуюся сущность. Но не раздавила, он в одну секунду воспринял ее и узнал, кем является его реципиент, его чувства и желания.

А тело и впрямь попало непростое. Уж точно не обычного воина. Как-никак сын славянского вождя. Даже не так: верховного славянского вождя, кагана по имени Пан, а самого его теперь зовут Рус.

«Похоже, этот лабиринт перебрасывает не только во времени, но еще и в пространстве», – подумал Василий.

Ну да, он теперь находится не на берегах Балтийского моря под Питером, а на самом что ни на есть Черном, где-то в районе Одессы. Что до его теперешнего отца (надо привыкать называть его именно так), то Пана можно назвать первым славянским императором, на худой конец королем, ибо он действительно является формальным правителем всех причерноморских славян, альянса из дюжины союзов славянских племен, известных сейчас как роксоланы, они же склавины. Ядром, что объединило вокруг себя славян, являлось крупнейшее славянское племя антов (точнее, союз пле-

мен).

Его держава раскинулась от берегов Днепра на востоке до берегов Дуная на западе, ограничиваясь на северо-западе рекой Муреш (впадающей в Тису – притоку Дуная), а на северо-востоке доходя до района Киева и от него – на юго-запад до истока той самой Мурешы.

Хотя, конечно, власть его была не столь всеобъемлюща, как у классического императора, если не сказать сильнее. Скорее, как у короля, когда король лишь первый среди равных – военный вождь и третейский судья в гражданских вопросах, разбирающий конфликты между племенными союзами. И это неудивительно, ведь Пан первым добился такого положения вещей, объединив союзы славянских племен (в том числе силой), закрепив свой статус кагана через морганатические браки, то есть являлся классическим многоженцем.

Но у него ничего бы не получилось, если бы часть вождей племен и главы племенных союзов, в основном восточных, не увидели в этом объединении для себя насущной необходимости. Враги лезли со всех сторон, то внешние – кочевники, то внутренние, когда племя шло на племя в споре за лучшие земельные наделы, и чтобы от них отбиться, требовалось объединяться с соседями. Так что державу его в данный период правильнее назвать конфедерацией, где главным органом являлось вече, ибо, по большому счету, все племена, а точнее союзы племен, оставались себе на уме, и если

Пан им даст какой-то приказ, что им не понравится, посчитают невыгодным или излишне опасным, то его просто-напросто пошлют куда подальше, и это в любой момент грозит перерасти в цепную реакцию по принципу домино.

Чем-то это напоминало польскую вольницу в самом ее неприглядном виде... И для того, чтобы кто-то что-то сделал, надо не приказывать, а просить на долгих переговорах. И это неудивительно, потому как положение вождей союзов и даже чисто племенных вождей было немногим лучше, чем у кагана, потому как всем заправляли старейшины родов, и чуть что не по их, могли запросто скинуть неугодного им вождя на низовом вече глав родов. Ну а тех, в свою очередь, могли попросить на выход простые люди уже на своем сборище... Такая вот сложная система сдержек и противовесов, направленная на смещение с должностей обалдевших от власти людей.

А посему, если дело касается одного племени, собиралось племенное вече из глав родов, если дело касается союза племен – собиралось вече из вождей племен, а если дело касается всей державы, то нужно собирать вече из глав союза племен и особо влиятельных вождей племен, ибо в каждом союзе имелись свои центры силы, то бишь оппозиция, кою тоже следовало ублажать, дабы не совали палки в колеса общего дела.

В общем, мороки просто до черта и больше. В итоге структура управления являлась крайне тяжеловесной и громозд-

кой. Но пока худо-бедно работала, ибо еще не подвергалась по-настоящему серьезным испытаниям, и как она себя проявит во время сильного кризиса, оставалось пока неясно.

«Но зато истинная демократия, аж трехпалатная...» — мысленно хмыкнул Орлов.

Василий пока не понимал только одного, как Пан собирается передавать власть для сохранения хоть какого-то единоначалия, чтобы его труды не пошли прахом и выстроенная им держава не рухнула сразу после его смерти, ибо наследников он наплодил... немало.

Кому? Союзы племен более-менее равны по статусу, силе и богатству. Завещаешь власть одному, так это не понравится другим, никто не захочет становиться в подчиненное положение другому если есть возможность, да еще законная, занять главенствующее. Так и до резни всех против всех недолго, на радость врагам.

Нынешнее положение вожди терпят, ибо сам этот союз был создан Паном постепенно, в течение двух десятилетий, включая в него одну формацию за другой, комбинируя различные условия воздействия в зависимости от создавшихся факторов. Кому-то надо оказать военную помощь в противостоянии с внешними врагами, кому-то подсобить с внутренней оппозицией, придавив ее к ногтю, или, наоборот, помочь оппозиционным силам прийти к власти, сметя строптивых и много о себе мнящих, кого-то принудить угрозой применения силы, кого-то тупо купить, ну и, конечно же, со

всеми связать себя родственными узами. В общем сеть Пан сплел, что твой паук, и спутал этой сетью всех по рукам и ногам... Но ясно, что эта сеть порвется со смертью «паука».

«Но, видимо, какой-то механизм должен быть, – подумал Василий. – Раз он смог добиться объединения всех причерноморских славян под своей рукой, то не может не понимать опасности развала, и наверняка этот старый интриган сейчас активно работает над проблемой, устраняя противников и возвышая сторонников. Ведь осталось ему не так долго, шестьдесят с лишним лет человеку, для раннего средневековья это очень приличный возраст, редко кто доживает до пятидесяти».

С мыслей об «отце» перешел на «себя». Итак, звать его теперь Рус по прозвищу Огонь (тут и волосы золотистые, ну и характером вспыльчивый), средний сын Пана, от его жены, что являлась дочерью вождя славян, возглавлявшего один из племенных союзов. Есть младший девятнадцатилетний Славян и старший двадцатичетырехлетний Беловод, а также несколько сестер, среди которых в памяти особенно отмечена Ильмера. Сестры были и старшие, и младшие, но, в отличие от семнадцатилетней Ильмеры, такой пацанки, остальные были выданы замуж в различные племена и в памяти остались в виде блеклых пятен. Ильмера же на данный момент наотрез отказывалась становиться чьей-то женой, решив стать воительницей. Порядки нынче еще далеки от домостроя, женщины тоже обладали определенными правами, так что надавить на нее было почти нечем.

«Так, что-то не сходится...» – подумал Рус.

Василий Орлов решил, что теперь даже мысленно надо отождествлять себя с реципиентом, чтобы не проколоться на какой-нибудь мелочи, а то позовут его по имени, а он не отреагирует.

Что касается его статуса, то, конечно же, он не мог не вспомнить легенду о предводителях, кои привели славян в нынешнюю Ленинградскую область, по легенде став основа-

телями таких городов, как Русса (ставшего Старой Руссой) и Словенска (ставшего Великим Новгородом), ну и озеро было поименовано в честь сестры.

«В легенде никакого Беловода нет, – стал он вспоминать. – Там другие братья отмечены, Чех и Лех. Вот эти есть... Хотя есть легенда о Беловодье...»

Что до Леха и Чеха, то да, есть такие братья от разных жен Пана, являвшихся представительницами племен ляхов и чехов соответственно. Правда, у них от своих матерей тоже хватало иных братьев, как старших, так и младших, а также сестер. Пан в производстве потомства старался, что называется, не за страх, а на совесть, в общей сложности наплодив больше сотни отпрысков, это с учетом детей от наложниц, коих у него тоже хватало.

Так что наличие других братьев, что младших, что старших, от одной матери еще ни о чем не говорило. Тут одно из двух, либо они по каким-то причинам не приняли участие в исходе, либо погибли. Ну или часть погибла по той или иной причине, а часть остались на месте. Далеко не все племена стали переселяться, как, впрочем, и переселялись племена не в полном составе.

«Хм-м... Кажется, я понял, на что рассчитывает Пан в плане передачи власти, – осенило Руса догадкой. – Он хочет использовать эффект ночной кукушки. То есть отдает дочерей за сыновей племенных вождей, и те должны будут напевать своим мужьям о необходимости сохранения единства и

признания лидером того, кого выберет Пан. А кого он выберет? А вот тут уже он, видимо, в конечном итоге хочет разыграть карту под названием “воля богов”. Так, он, давая своим сыновьям разные задания, смотрит на результат, проверяет умственный уровень, сообразительность, смелость, в целом оценивает поведение (не псих ли, упивающийся кровью и властью над нижестоящими) и, выбрав тех, кто, по его мнению, достоин стать каганом, бросит жребий и устроит между претендентами поединок по олимпийской системе. Не факт, что при схватке за власть выживут все, не говоря уже о том, что все сохраняют здоровье, но времена нынче суровые... Ну что сказать, суров батька, но что-то в этом определенно есть, дескать победит лучший».

На этом фоне неудивительно, что отношения между братьями складывались далекими от... братских. Конкуренты. Да чего уж там говорить, были и откровенные враги. Например, Коман и Истр, представлявшие племена волинян и древлян. Спиной к ним лучше не поворачиваться. В общем, не самая здоровая атмосфера...

Среди многих прочих имен братьев и сестер мелькнуло в памяти из будущего еще одно знакомое и легендарное имя – Кий, сын Пана от дочери главы племени полян.

«Оп-па, совпадение или тот самый? – изумился Рус. – Хотя города Киева еще нет, в лучшем случае стоит деревушка, притом не факт, что славянская, а не балтов каких, но, может, не успел еще основать? Сколько ему сейчас? Лет

двадцать пять, плюс-минус... С датой основания города все очень запутано, но, по одной из версий, основан он именно во второй половине шестого века... Так что вполне может быть и он. Точно он! Вот и братья у него есть с именами Щек и Хорив, а также в числе прочих сестра Лыбедь».

Рус, с некоторым волевым усилием отмахнувшись от второстепенной информации про братьев и сестер (хотя она тоже требовала крайне детального и вдумчивого анализа, потому как тут все было очень не просто), вернулся к себе. Требовалось окончательно упорядочить данные про себя. Но с этим никаких сложностей не имелось, не так уж и много важных данных. Так, ему только что исполнился двадцать один год, здоров как бык...

«Тогда чего я тут разлегся? – обеспокоился он. – Это явно не мой дом, более того, эта полуземлянка, своеобразная гостевая комната, принадлежит жрецу Сварога – Ведомиру».

Но и на этот вопрос имелся ответ.

– Ага, проводился обряд, что должен был ознаменовать мое полное взросление, переход из отроков в полноценные мужи, ну и одновременно очищение...

Рус вспомнил, что подобный обряд с изменением возрастного статуса с «очищением» чакр и прочих аур проходит каждый в день своего рождения с периодичностью в семь лет. Собственно, в семь лет давалось тайное имя. В четырнадцать лет – первое совершеннолетие, присваивалось официальное детское имя, данное при рождении (скажем, числи-

тельные Первуша, Вторуша, Третьяк или там Ждан с Нежданом), менялось на взрослое официальное, в двадцать один год – второе и полное совершеннолетие, могли добавить официальное прозвище, даваемое в зависимости от личных качеств (как у того же Рюрика было прозвище Рарог). И происходит этот обряд в уже знакомых ему кругах-псевдолабиринтах, что, оказывается, имелись на берегах Черного моря.

«Вот только в этот раз накладочка вышла, произошло все-ление моего сознания».

Рус припомнил, что незадолго до обряда у стариков отмечалась головная боль, да и сам Ведомир находился не в лучшем состоянии, явно с сердцем проблема обострилась. Можно, конечно, списать на смену погоды, тем более что дождь как раз прошел, а можно сделать вывод, что изменение погоды совпало с сильной магнитной бурей, как тогда в его время, только здесь, на юге, северного сияния нет, а вот на севере наверняка ночью все положенные световые эффекты в атмосфере наличествуют.

«Так, с этим разобрались... Осталось понять, как объяснять остальным мое состояние», – с некоторой тревогой подумал Рус.

Получить славу падучего – это совсем не айс. Сейчас такое время, что за слабаком никто не пойдет, будь он хоть трижды сыном вождя, тем более что этих сыновей у него еще вагон и маленькая тележка, выбор есть. Так что существует риск упасть на самое дно и лишиться уже имеющейся дру-

жины...

«Да, у меня же есть своя дружина в тридцать голов... — осознал Рус. — Как раз экипаж на одну боевую ладью...»

В общем, дружина могла от него сбежать, рассосавшись по дружинам остальных братьев.

«Да вот хотя бы к Славяну, что пока ходит со мной, и ему скоро предстоит набирать своих людей».

Допускать этого, конечно же, не следовало, потому как нет власти у того, у кого она не подкреплена силой. Правда, пока неясно, зачем ему эта самая власть, но и отказываться от нее вот так просто тоже глупо, ведь, что ни говори, а быть хоть мелким да начальником все лучше, чем стать... Ну кем может стать сын вождя со славой падучего? По сути, никем. Разве что в ремесленники или там в торговцы податься, но это позорище.

Как бы то ни было, это тоже в общем-то вариант, если свалить куда-нибудь подальше, да хоть в тот же Крым... В этом направлении тоже можно хорошо развернуться, благо кое-какие знания и умения имеются. Можно в любое другое время, но не конкретно в этот промежуток времени, если исходить из предположения, что легенда с исходом славян правдива. А она, судя по всему, все-таки правдива. Так что власть политическую и военную, чтобы поступать так, как нужно ему, а не так, как скажет кто-то другой, нужно удержать в руках.

«С другой стороны, а оно мне надо? Может, действитель-

но лучше перебраться в Крым? Заделаться купцом или ремесленником... Ту же бумагу стану делать. Стану богатым как не знаю кто... если не прирежут раньше за это богатство с целью завладеть технологией. Курорт, опять же, море, то да се... К чему мне этот геморрой с переселением? Это же просто песец какой-то... Придется пройти сотни и тысячи километров, рвать жилы, терпеть лишения: голод, холод, болезни, стычки, и весь путь усеян трупами. А спокойствия в Крыму на мой век хватит... наверное».

Рус тяжело вздохнул. Чувствовать себя дезертиром не хотелось, тем более ощущая, что может улучшить для людей условия похода, а это значит, что к месту финиша при его участии сможет добраться в разы больше людей, а это уже значительно лучшие стартовые условия для развития народа на новом месте... что, в свою очередь, может самым кардинальным образом изменить историю Руси.

Знать, что можешь, и даже не попытаться? Рус понял, что это отравит его жизнь. Сопьется к чертям в считанные годы.

«Значит, решено, никакого Крыма, тем более что он еще не наш, хе-хе...»

Да и возникло у него сильное сомнение, что удастся раскрутиться – сомнут. Он ведь станет одиночкой, а одиночки в эти времена, решившие прыгнуть выше головы, не выживают, шею ломают только так. За спиной всегда должна иметься сила в виде клана...

Мысли вернулись к легендированию своего состояния.

«Надо приплести к моему состоянию некое божественное вмешательство, – стал развивать один из вариантов выхода из сложившейся кризисной ситуации Рус, отмечая краем сознания, что кризис – это не только опасность, но и возможность для возвышения. – Это не только объяснит мою потерю сознания, но еще и повысит немного авторитет. Осталось только придумать, что сказать...»

Вот с тем, что именно сказать, и возникли некоторые трудности. Ведь надо не просто что-то брякнуть с загадочным видом, но чтобы это еще и сбылось.

«А что я, собственно, знаю-помню об этом времени?» – призадумался Рус.

Будучи реконструктором, он, конечно же, просмотрел историю более подробно и вдумчиво, чем ее изучает обычный человек, вот только осело в голове все-таки не сильно много, а уж конкретно об этом периоде и вовсе печально мало. Но кое-что все-таки осело. Плюс знания реципиента дополнили информацию, и от этого уже можно было плясать.

Итак, выяснилось, что сейчас на дворе пятьсот пятьдесят третий год от Рождества Христова (оно же – наша эра). Середина лета – пятнадцатое июля. Откуда такая точность, причем именно в такой датировке – РХ (НЭ)? Тут все просто:

славяне достаточно плотно общаются с Восточной римской империей, ведя торговлю и время от времени нанимаясь на службу. Ну и набеги нет-нет да совершают на каких-нибудь римских союзников, а то и на полноценные римские поселения черноморского региона, так что датировку у соседей ведали, а оную в таком формате ввели всего двадцать восемь лет назад.

Из памяти Василия (реципиент об этом был не в курсе) Рус знал о трех мощных извержениях, что послужили причиной так называемого Позднеантичного малого ледникового периода. Точные даты Рус не помнил, но знал, что случилось это очень недавно, последнее извержение произошло и вовсе считанные годы назад. Старики постоянно ворчали, что погода в их молодости была куда как более приятной, а ныне с каждым годом все хуже и хуже.

Прежний Рус к таким речам относился с насмешкой, как к старческому брюзжанию, дескать, раньше и небо было голубее, и трава зеленее, и бабы толще. Но в данном случае именно так все и было, в том числе и в том, что касается баб, ибо недоедание никого не красит.

«Кстати, а что с моим семейным положением?» — заинтересовался Рус и сосредоточился на проверке памяти в этом плане.

А с этим обстояло как-то странно. Имелись рабыни-наложницы, аж целых три, гепидка, балтка и остготка, от них уже успело народиться шестеро детей (четыре мальчика и две

девочки, при этом одна девочка и мальчик успели умереть от болезней), а вот официальной жены почему-то не было. Даже невесты не имелось. Это при том что вступали в брачный союз тут достаточно рано не только девушки (в четырнадцать лет, как правило, все уже замужем), но и парни: шестнадцать лет, край – восемнадцать.

Пан почему-то не давал ему согласия на женитьбу. Впрочем, как выяснилось, не только ему. Есть другие сыновья, которые ходят до сих пор холостыми, это при том, что иные давно уже прошли данную процедуру окольцовывания, что старшие (тот же Беловод), что младшие.

«Стало быть, имеет на нас далекоидущие планы, и я все еще в обойме среди претендентов на верховную власть, в то время как женившиеся из нее вылетели по разным причинам, – понял он. – А жениться, по его задумке, мы, точнее победитель в гонке за трон кагана и “державную булаву”, заменяющую скипетр, должны не просто так и не на абы на ком, и уж, конечно, не по любви, а для скрепления кровными связями различных союзов по его образу и подобию...»

В общем, как понял Рус, жениться он должен сразу на множестве жен, чтобы к моменту объявления наследником не имелось ярко выраженной любимой и старшей жены и, соответственно, ярко выраженного же взрослого наследника. Все должно быть как у самого Пана, чтобы претенденты на власть от официального наследника имели примерно один возраст, плюс-минус пара лет.

Ну что сказать, не самый простой способ скрепления славянских племен в одну державу, но на данный момент, пожалуй, единственно возможный, а главное – всех устраивающий. Компромисс как есть с налетом божественного расположения. Типа все честно, так решили боги.

Разобравшись с вопросом своего семейного положения, Рус вернулся к предыдущей теме – мировых последствий, связанных с резким изменением климата. Голод во всем мире действительно свирепствовал не по-детски. Численность населения города Рим сократилась до пятнадцати тысяч человек! А уж что в данный момент происходит на севере Китая, так и вовсе ужас-ужас – население этого региона сократилось на восемьдесят процентов!!!

Затронул он и славянские племена. Не мог не затронуть. Постоянные дожди, сменяемые засухами (черноморский регион в этом плане колбасило из одной крайности в другую), губили урожай, не давая собрать зерновые; спасались благодаря гороху, бобам и тому подобным растениям, плюс животноводство, кое тоже изрядно просело. Из-за недоедания и вызванных этим болезней повысилась детская, да и взрослая, смертность.

Ну и, конечно же, не мог он не вспомнить про один из главных факторов сокращения численности – юстиниановой чуме, вспыхнувшей десять-двенадцать лет назад, которая тоже оказалась вызвана этим самым изменением климата, голодом и снижением иммунитета из-за ослабления ор-

ганизма.

В Константинополе умирало до пяти тысяч человек в день, а в пиковый период – до десяти тысяч! В итоге погибло две трети населения Константинополя!!! А в нем до эпидемии жило порядка миллиона человек! И эпидемия эта до сих пор не закончилась, вспыхивая очагами то тут, то там. Не обошла она стороной и славян, особенно прошла по тем племенам на западе, что вплотную соприкасались с ромеями. Плюс с востока прошла эпидемия оспы.

По прикидочным расчетам Руса, если исходить из того, что средняя численность населения составляла тридцать человек на квадратную милю, с учетом того, что он видел своими глазами (полностью покинутые поселения и сокращение жителей в оставшихся), общая численность населения причерноморских славян за десять лет сократилась с полутора миллионов до миллиона, плюс-минус сто тысяч. Чудовищный удар, какой не всякая война наносит. И что поганее всего, в ближайшие десятилетия лучше не станет.

«Особенно с учетом вторжения авар, – вспомнил Рус о еще одной напасти, что принесет потери как убитыми в боях, так и угнанными в рабство. – Именно от них, собственно, и побегут славяне на север, в леса и болота».

– Вот о них и надо рассказать, – решил он. – Дескать, Сварог предупредил о новых гуннах, только еще более многочисленных и жестоких... Вот только когда конкретно они полезут?

Увы, с датами у него всегда обстояло не ахти. Понятно, что скоро уже, но вот когда конкретно? Тут желательно иметь конкретику, а не жреческо-расплывчатое «вот-вот, плюс-минус лапоть».

«А если вообще пойти по чисто жреческому пути? – задался он вопросом. – Объявить себя избранником Сварога? Стать его гласом, а то и вовсе дланью? На первый взгляд, весьма заманчиво... Но все же нет, жрецы сейчас хоть и имеют определенный политический вес, но все же недостаточный, чтобы по-настоящему влиять на решения вождей, – отказался Рус. – Они сейчас больше ритуалисты, гадатели, проводники в мир мертвых. Да и позже ситуация тоже не сильно изменится, засядут у себя в чашобах да болотах, что их в конечном итоге и сгубит».

Ситуацию, конечно, можно изменить, но на это требуется время, много времени, а его и так почти не осталось. Да и вопрос, стоит ли повышать значимость жреческого сословия до того уровня, что сейчас имеют те же христианские священники, тем самым создавая параллельную структуру управления, что неизбежно схлестнется в ожесточенной схватке за всю полноту власти со светской властью. А кто сказал, что они не пытались хапнуть себе светской власти?

Природа человеческая такова, что все хотят большего, и они наверняка хотели. Другое дело, что вожди тоже не пальцем деланы, и тут обширный пантеон славянских богов им в помощь. Стоит только начать какому-нибудь жрецу много на

себя брать, как вождь, тоже, кстати, имеющий определенный жреческий вес, может под разными предлогами сменить покровителя племени, вынося за скобки много возомнивших о себе жрецов. Не потому ли в конечном итоге среди славян возникла такая разобщенность по религиозному признаку? У кого – Перун, у кого – Велес, у других – Ярило и так далее...

Додумать тему Рус не успел, так как резко распахнулась дверь, и в проеме появился медведь! Рус от неожиданности и инстинктивного страха перед грозным зверем чуть не заорал во всю мощь своих легких. И его можно понять, все-таки вот-вот к нему ворвется страшный хищник... Мысли о том, откуда он тут вообще появился, даже не возникло. Его всего парализовало...

К счастью для него, опозориться парень не успел: «медведь» шагнул внутрь, но немного не рассчитал с высотой и стукнулся носом о перекладину, после чего голова завалилась назад, и стало ясно, что это своеобразный головной убор.

– Рус!!!

В полуземлянку ворвался златовласый вихрь. Понятно, девушка, оказавшаяся его сестрой, той самой Ильмерой, среагировала на крик, что вырвался из него в момент обретения памяти реципиента, и тут же поспешила к брату.

– Братик, что с тобой?! – Ильмера порывисто обняла брата.

«М-мать! Так ведь и зайкой можно стать! – мысленно вопил он. – Чуть не обделался!!!»

Следом с хмурым выражением лица заглянул Славян, тоже имевший светлые волосы, но не золотистые, а темно-ру-

дые.

– Все нормально... – чуть заторможенно ответил Рус, глотая маты, которые так и рвались с его языка, ибо все никак не мог отойти от шока с явлением медведя.

– Но что с тобой произошло? – с тревожным напряжением спросил уже брат.

– А что Ведомир говорит?

– Ничего... он тоже свалился...

«Ну, это понятно, находился в непосредственной близости от места силы, ритуал проводил, и его тоже приложило, – предположил Рус. – Вопрос в том, с какими последствиями? Получил ли он какие-то знания от донора, или все получил один реципиент, а его своеобразной ударной волной долбануло?»

– Помоги встать...

Ильмера помогла брату принять сидячее положение. Голова слегка закружилась, имелась определенная слабость в теле, но все негативные ощущения быстро проходили. А как только все пришло в норму, он тут же почувствовал естественный позыв, связанный с переполненным мочевым пузырем.

– Так, Иля, мне нужно сбегать до одного места...

Девушка, поняливо хихикнув, помогла спуститься со стола и, достав из-под него пояс, богато украшенный золотыми бляшками с затейливой чеканкой (из-за чего он напоминал пояс римских легионеров имперского периода), с нож-

нами и ножом в них, протянула брату.

«Ну да, без воинского пояса за пределы помещения ни шагу, – вспомнил он. – Да и в помещении тоже, снимать его можно только ложась спать».

Для славян воинский пояс – это больше, чем элемент одежды, на него много чего завязано, своеобразный паспорт и оберег.

Опоясавшись, согнувшись пополам и выйдя из полуземлянки, Рус понял, что немного ошибся с временем суток, но из-за туч и немудрено. Сейчас был не вечер, а утро.

Перед полуземлянкой обнаружил свою дружину из относительно молодых воинов с парочкой тридцатилетних старичков-десятников и сорокалетним дядькой Огнеславом (что являлся дядькой не только по своему статусу няньки, но и действительно был дядей, братом Пана, но только рожденным не от законной жены, а от наложницы), приставленным присматривать за данными отпрысками. Суровые лица с тревогой смотрели на своего предводителя.

– Со мной все хорошо... Сейчас кое-какие дела сделаю и все расскажу...

На лицах появились понятливые улыбки, кто-то хохотнул. Сбросив излишек жидкости за землянкой (привычный туалет типа сортир отсутствовал как класс), Рус вернулся к дружине.

– Идемте к костру, – кивнул он в сторону огня в отдалении от капища, где дружина разбила лагерь и готовила еду.

Теперь стало понятно, почему так долго никого не было после его крика. К капищу оказалось не так-то просто пробиться через окружающие поляну густые колючие кусты. Пришлось им бежать через проход.

Спорить никто не стал. Идя к выходу, заметил вышедшего из полужемлянки жреца его молодого помощника Богумила.

– Как он? – спросил Рус.

– Говорит с богами...

«Бредит, значит», – перевел Рус.

Спрашивать, что именно говорит, не стал, все равно не скажет, типа тайна, это если жрец вообще говорит членораздельно.

Дойдя до лагеря, разместились на шкурах вокруг костра, и снова дружинники уставились на него в ожидании. Рядом с Ильмерой стал крутиться пес с явной примесью волчьей крови. Та его потрепала по загривку.

Оружие Руса, кстати, оказалось здесь, в лагере, короткий меч и лук. Из доспехов кольчуга из крупных клепаных колец и цельный шлем без дополнительных элементов. Не густо в общем.

Выпив разбавленной вином воды из меха, что подала Ильмера на просьбу промочить горло, он начал говорить, благо пока шел, успел более-менее подготовиться. Зашел, что называются с козырей:

– Со мной говорил Сварог.

Утолявший в этот момент жажду Славян аж поперхнулся

и закашлялся.

– Кха-кха... Как это?!

Остальные воины тоже выразили изумление.

– И что он сказал?! – с жадностью и восторгом спросила Ильмера и даже вцепилась в левую руку Руса, словно собираясь вырвать из него информацию, вздумай тот запыряться.

– Он предупредил меня о большой опасности для нашего народа, что движется с востока.

– Кутригуры собираются напасть? – с некоторым удивлением спросил брат.

Кутригурами звался союз кочевых племен, обитавших за Днестром. Еще дальше на восток, севернее Азовского моря, по Дону кочевали оногуры, а южнее – утигуры. Все эти гуры вроде как протоболгары, по крайней мере станут ими, смешавшись со славянскими племенами, живущими на территории будущей Болгарии. Рядом с ними обитали савиры, а на юге в предгорьях Кавказа – аланы.

Про авар из славян пока никто ничего не слышал. Что до кутригуров, то славяне с ними сосуществовали уже длительное время, понятно, время от времени конфликтуя, ибо кочевники пытались перебраться на правый берег Днестра и расширить свои кочевья, ну и за рабами да скотом друг к другу наведывались. Так что некоторое удивление младшего брата Русу было понятно, не та эта информация, о которой будет предупреждать сам Сварог. Мягко говоря, не его уровень. Опасность привычная.

– Не совсем... Там, в далеких степях, за землями гуров, на северных берегах Каспийского моря появилось новое сильное племя, и они начинают давить оногуров и утигуров, а те, в свою очередь, наших соседей – кутригуров. Так что да, на этот раз вторжение кутригуров будет гораздо более напористым. Им просто некуда деваться, кроме как перебраться через Днепр и захватить наши земли под свои пастбища. Ибо наши пастбища сочны из-за избытка дождей, в то время как у них там наоборот многолетняя засуха...

Воины покивали с суровым видом. Что-то такое до славян доходило с купцами, но без подробностей. По крайней мере простые воины мало что знали, да и не интересовались по большому счету. Это дело Пана и прочих верховных вождей.

– Но если от кутригуров мы отобьемся, то вслед за ними придут их сородичи оногуры и утигуры. И вот вопрос, сможем ли мы отбиться уже от них?

– Сможем! – с излишней юношеской горячностью воскликнул Славян. – Мы сильнее и нас больше! Сколько они могут выставить воинов против нас? Две-три тьмы? Пусть пять, если поставят юнцов и стариков. А мы – в два, а то и три раз больше! Мы разобьем их и сделаем выживших рабами, а продав их ромеям, станем богатыми!

– Допустим... – кивнул Рус. – Допустим, отобьемся и от них. А теперь, положив руку на сердце, спросите себя, сможем ли мы отбиться уже от тех, кто гонит гуров на закат, после того как мы понесем потери в сражениях с гурами, и даже

если отобьемся и от них, то много ли от нас останется?

– Это если они станут накатывать по очереди, – тихо и рассудительно произнесла Ильмера, – а не объединятся.

– Вот именно. Опять же, постоянно держать огромное войско на восточной границе невозможно, ибо нельзя надолго ослаблять границы на западе и севере, и вот выбрав удачный момент, они нападут, и мы просто не успеем отразить этот натиск. В этом случае товаром на рабских рынках Константинополя станем уже мы. Потому как если мы даже в этом случае справимся с ними, то потери будут такими, что мы станем легкой жертвой для самих ромеев. Сами знаете, нынешний ромейский император Юстиниан весьма воинственен и делает все, чтобы расширить владения своей империи.

И снова воины согласно кивали головами. Не раз и не два к славянам приходили ромейские агитаторы-наниматели с целью нанять славянских воинов в ромейскую армию, коей постоянно требовалось пополнение из-за регулярных потерь.

Рус отметил, как Огнеслав смотрит на него с почти нескрываемым удивлением. Ну да, Рус, прямо скажем, не блистал стратегическим и даже тактическим мышлением, был лишь немногим более сдержанным, чем младший брат с прозвищем Барс.

– А уж прибрать нас, ослабевших, сам их распятый бог велел. Мы станем переспевшим плодом, что сам упадет им

в руки.

– И что же тогда делать? – несколько потерянно спросил Славян.

– Это будет решать наш отец и Верховое вече. Мне надо лишь донести предупреждение Сварога до вождей.

– А сам Сварог... – начал было брат.

– Бог нам не нянька, чтобы говорить, как и что делать в той или иной ситуации. Сами должны своей головой думать...

Рус невольно скривился, вспомнив христианскую модель поведения, все время что-то кланчить у бога, помощи, помощи, дай, дай, спаси, при этом все время креститься да кланяться, кланяться да креститься, вместо того, чтобы время, потраченное на молитвы, потратить на более полезные дела.

Особенно убивало религиозное образование, когда правители наизусть знали Библию, но ни черта не понимали в той же экономике, не говоря уже о таких областях, как физика, химия. В той же политологии выезжали по наитию... а иногда и не выезжали, и вертели царями кто хотел и как хотел.

Он мимолетно подумал, что надо сделать все, чтобы не допустить христианизации славян, и выстроить, так сказать, национальную цельную религиозную систему. Есть же у японцев такая? Как это сделать, он, правда, пока не представлял от слова совсем, но об этом можно подумать чуть позже.

– Иначе так и останемся слабыми и безвольными, пола-

гающимися только на его присмотр и защиту, – продолжил он. – Достаточно того, что он нас предупредил, хотя, если уж на то пошло, и этого делать не должен был.

– То есть? – удивился один из воинов.

– То есть, дав это предупреждение, он нам как бы сказал, что мы еще недостаточно взрослые. И это его печалит... как печалило бы вас, если бы ваши дети, разменяв два десятка лет, родив своих детей, жили бы не своим умом, а вашим – родительским, спрашивая у вас совета по каждому, даже самому пустяковому вопросу. Порадовало бы это вас?

Одни воины нахмурились, другие презрительно скривились, что и служило красноречивым ответом.

– Правильно, так ведут себя дурачки. Вот и богу не нравится, что мы не знаем о возникшей угрозе, а когда узнаем, станет слишком поздно, вот и предупреждает загодя. И если не справимся с угрозой, то и помогать он нам более не станет. Ему не нужны такие дурачки, что не могут постоять за себя сами и вовремя узнать об угрозе.

– А как о ней узнать? – слегка удивленно спросил Славян. – Да еще такой далекой...

– На разведку ходить, иметь своих людей в стане врагов.

– И как же их туда заслать?

– Кого-то купить можно... но это ненадежно. Гораздо вернее будет отдать замуж специально обученную девицу за какого-нибудь мелкого вождя, что станет слать нам письма о происходящем в степи и других землях.

– Хм-м...

Славян невольно посмотрел на сестру.

– Еще чего! – вспыхнула она, мило при этом запунцовев, подтверждая свое прозвище Уголек. – Так и знай, Рус, я на такое не согласна!

Ильмера под смех дружинников вскочила на ноги, гневно глядя на Руса, при этом часто и глубоко дыша.

– Я про тебя и не говорю, – так же засмеялся он и, взяв за руку, потянул вниз, чтобы села, что она и сделала. – Успокойся. Ты для такой работы действительно не годишься. Да и не собираюсь я тебя отдавать каким-то кривоногим вонючкам или еще кому, и отцу не дадим, только по твоему согласию. А вот подготовить таких девиц можно...

– Хм-м... – задумалась уже Ильмера.

Она, вырастая своеобразной феминисткой, мечтала стать воительницей, училась владеть мечом, луком, ножами, в чем достигла весьма впечатляющих успехов, но, будучи весьма неглупой, понимала, что в бою может выстоять лишь против полного неумехи. Поняла это уже на спаррингах с прочими обучаемыми на воинов парнями. Любой хоть сколько-то хорошо подготовленный воин-мужчина ее одолеет пусть не на счет раз, так как ее гибкости и скорости хватало уйти от первых сокрушающих ударов, но на два или даже три, особенно если придется сражаться в строю, где особо не извернешься, но одолеет. Сила с выносливостью все-таки решает многое, а вот этого-то и не хватало девушке. Мощный удар в щит

просто отшвыривал ее в сторону, что в том же строю неприемлемо. Про нее верна фраза: сильная, но легкая... Опять же, посвящение богу Перуну ей не пройти в силу гендерного фактора. Не посвящают женщин Перуну.

Но это ее не остановило. Ильмера выбрала себе в качестве покровительницы дочь Перуна – богиню охоты Девану (и фанатично ей подражала, отсюда эта медвежья шкура с головой в виде головного убора и волкопес, оставалось только радоваться, что не чистокровный волк). Неизвестно, чем бы все для нее в итоге закончилось, скорее всего, обломали бы, и выдал бы ее Пан за какого-нибудь вождя или сына оного, как прочих дочек, но тут старший брат предлагает достойный выход из создавшегося сложного положения. Она сразу осознала перспективы, еще туманно, смутно, но осознала.

«А учитывая любовь девиц к сплетням, то бишь к сбору информации, ее интуитивному обобщению и анализу, то из этого действительно может получиться что-то хорошее», – подумал Рус, ибо Ильмера в этом плане ничем от других девиц не отличалась, то есть любила посплетничать, как и прочие, с подружками, и если под эту любовь к сплетням подвести научную базу, подкрепленную хотя бы минимальным финансированием, то перспективы появлялись неслабые не только в плане сбора информации, но и, что еще важнее, ее вброса.

Вопрос заключался в том, как все это реализовать, то есть попробовать сделать своими силами или через кагана. Рус был уверен, что Пан оценит задумку по достоинству, другое де-

ло, что протянет он недолго, и в чьи руки в конечном итоге попадет этот ресурс? А это очень важно, потому как может попасть и в откровенно враждебные руки, и тогда задумка обратится против него самого.

Ну и, собственно, с финансированием пока не все понятно. Пан, конечно, отсыпал от своих щедрот на содержание дружины, но без излишеств, и то больше натурпродуктом. Так что если желаешь получить денюжек больше, то крутись сам. Вот и крутились кто как мог, как правило, рабами про-бавлялись, то бишь нападали на земли балтов, гепидов или там остготовов и прочих, кто под руку попадетсЯ.

Сам Пан, засев в районе Одессы, контролировал один из важнейших и прибыльных во все времена ресурсов – соль, что добывалась рабами в тех местах, получая за нее как, собственно, натурпродукт, так и монеты, поставляя излишки ромеям, ну и тоже не брезговал время от времени рейдами по захвату пленников.

Проблема в том, что набегИ за рабами не давали таких уж серьезных прибылей, да и не всегда удачными оказывались, бывало и так, что уходили по шерсть, а возвращались стриженными... В общем требовался более надежный источник денег, регулярный и безопасный...

Завтрак в виде гороховой каши с кусочками солонины прервали истеричные крики на капище. Все тут же вскочили и бросились на звук. При входе на капище остановились, скорее от шока из-за увиденного, чем из-за предупреждения Богумила, ибо верховный жрец Сварога с безумным видом скакал по поляне и размахивал своим посохом, то и дело выкрикивая заклинания, что время от времени перемежались с руганью.

– Изыдите прочь, проклятые чернобожи твари!!!

Со стороны это смотрелось как своеобразный бой с тенью.

– Что происходит? – спросил Огнеслав у помощника жреца.

– Сражается с демонами Чернобога... – неуверенно ответил Богумил.

– Не входите! – закричал им с безумным видом Ведомир, наконец заметив гостей. – Иначе эти мерзкие чернобожи твари пожрут ваши души!

«А вот интересно, перед обрядом со мной он случайно никаких веществ, расширяющих сознание, не принимал? – подумалось Русу. – Хотя могли напоить и позже...»

Он стал догадываться, что именно происходит с жрецом. Но догадку стоило проверить.

«Или ну все к черту? – засомневался он. – Зачем мне вле-

зять во всю эту мистическую ерундень?»

Рус посмотрел на Богумила, напряженно наблюдавшего за своим шефом, и непонятно, чего в этом взгляде было больше.

«С другой стороны, стоит наладить более тесные отношения с будущим главным жрецом, – снова подумал Рус, – а для этого нужно повысить свой авторитет в его глазах...»

Рус шагнул на территорию капища.

– Стой! – в два голоса крикнули ему Богумил и Огнеслав.

Даже попытались его схватить за плечи, но Рус вывернулся и, дав знать, чтобы ему не мешали, продолжил идти в сторону «бьющегося с демонами» верховного жреца Сварога.

– Беги, дурак! – закричал ему Ведомир и снова нанес удар по видимой только ему сущности. – Демоны сейчас сожрут тебя!

– Здесь нет никаких демонов...

– Да вот же они!!! Один за твоей спиной! Беги! Он сейчас схватит тебя!!!

– Нет за моей спиной никакого демона, – твердо ответил Рус, даже не собираясь оборачиваться. – Кому как не тебе знать, что демонам нет хода на священную землю! А это земля самого Сварога! Чернобог играет с тобой! Ты сам являешься проводником для них. Твой разум пострадал в момент моего разговора со Сварогом...

– Ты разговаривал со Сварогом?.. – изумился Ведомир и, забыв о своих галлюцинациях, уставился на Руса.

– Да. В момент проведения тобой обряда он снизошел до меня...

– Но почему...

В голосе жреца отобразились непонимание и даже обида. Не нужно являться психологом, чтобы понять, что жрец, мягко говоря, опечалился, что бог говорил не с ним.

– Пути богов неисповедимы... Так вот, когда бог говорил со мной, то, видимо, твой разум немного повредился, ведь ты был близко, но не в круге силы, и сейчас этим пользуется зловредный Чернобог, посылает тебе видения своих демонов. Соберись, сосредоточься, закрой свой разум, иначе еще немного, и ты действительно откроешь путь Чернобоговым тварям на священную землю Сварога, и произойдет ее осквернение, полчища монстров хлынут из образовавшегося прорыва из нави в мир яви!

Рус, подойдя к жрецу, схватил его руками за плечи и, поймав его вновь начавший блуждать по сторонам взгляд, больше не отпускал, проводя своеобразный НЛП. Далось это не слишком тяжело, так как Ведомир, похоже, действительно что-то употребил перед обрядом, а люди с измененным сознанием легче легкого подвергаются внушению.

– Ты прав...

Ведомир сел где стоял, поставил посох перед собой и, ткнувшись об него лбом, с закрытыми глазами зашептал молитву.

Подбежал Богумил и, после того как старший жрец закон-

чил читать мантры по очищению и концентрации сознания, помог Ведомиру добраться до его полуземлянки, усадил на лавку у входа в нее.

Жрец открыл глаза и, осмотрев всех более-менее нормальным взором, отхлебнув что-то, что ему подал помощник, пробормотал:

– Я видел странные и невозможные вещи... Видел, как под землей ползают стальные гигантские черви или змеи из железа, и внутри их сидели люди... А еще видел летающих по небу железных же птиц, и в них тоже сидели люди... Видел железных рыб, и тоже с людьми внутри! А маленькие железные птицы с человеком внутри пускали огненные стрелы, и те вспухали огнем. А другие большие птицы бросали из своего чрева множество яиц, и те тоже вспухали огненными вспышками!!!

Ведомир стал активно, лихорадочно жестикулировать. Богумил бросил на Руса цепкий взгляд. Он не сразу понял, в чем дело, а потом мысленно чертыхнулся, ибо его поведение не «билося» с поведением остальных слушателей, так как прочие выглядели потрясенными, а он воспринимал сказанное если не с усмешкой (ему все же хватило ума удержаться от усмешки), но вот ошарашенным он не выглядел.

А Ведомир тем временем распалялся все сильнее, вываливая на слушателей все новые и новые откровения на самые разные темы. О том, что Земля – это шар, что кружит вокруг Солнца, и так далее и тому подобное, часто перескакивая с

темы на тему. Голос его при этом дрожал, да и руки мелко тряслись.

– Я видел города, столь огромные, что они простирались от горизонта до горизонта! А дома в них столь велики, что могут уместить в себе целое поселение! А еще на нас и внутри нас живут мелкие зверьки! От них все болезни! Они везде! В воде, которую мы пьем! В земле!! В воздухе!!!

Понимая, что жрец сейчас из-за психического перевозбуждения снова войдет в неуправляемый режим, Рус, подойдя к нему, схватил за шею и нажал пальцами на определенные точки, пережимая вены и ограничивая приток кислорода к мозгу. Опасно вообще-то, но другого способа его успокоить он сейчас не видел, разве что хорошенько приложить к нему по голове, но это уже чересчур.

Ведомир непонимающе посмотрел на Руса, после чего его глаза закатились, и он обмяк.

«Все-таки как бы он кукухой не поехал, – с некоторым беспокойством подумал Рус. – И интересно, что за тварей он видел? Чужого или Хищника? Или вовсе их сплав?»

Именно эти монстры голливудского производства осели в памяти особенно ярко, а они для неподготовленных сознаний могут оказаться слишком... просто слишком.

– Что ты сделал? – спросил Богумил.

– Ничего такого... Лучше давай отнесем его внутрь, пусть поспит...

– Хорошо...

После того как жреца отнесли в полуземлянку, Богумил требовательно спросил:

– Ты ведь понял, что произошло?

– Мне кажется, что да...

– Скажи.

Утаивать информацию Рус смысла не видел, а потому решил объяснить, но так, чтобы еще немного добавить себе очков в глазах остальных.

– Снизойдя до меня во время обряда полного совершеннолетия, Сварог поведал о великой опасности, что нам всем угрожает...

Рус повторил Богумилу все, о чем поведал своим брату с сестрой и дружинникам.

– Почему он не сказал об этом Ведомиру? Ведь он регулярно вопрошал Сварога...

– Откуда мне знать замыслы богов, Богумил? Я не жрец. Это вас надо спрашивать... Значит, решил, что у меня лучше получится отразить угрозу или как-то иначе защитить от нее народ. Ведь жрецы в этом сильно ограничены...

– А его видения? Ты знаешь, о чем он говорил?

И снова не столько вопрос, сколько утверждение.

«Вопрос в том, рассказывать или нет?» – задумался Рус.

В том и другом случае имелись как свои плюсы, так и минусы. Становиться пророком он желания не имел, но именно такой статус получит, если расскажет все. Молчать и сделать вид, что Сварог сказал ему лишь в части, его касающей-

ся? Богумил может не поверить и затаит... Он, скорее всего, будущий верховный жрец. Зачем плодить врагов на ровном месте?

– Видишь ли... Не знаю, как вы общаетесь с богом, но со мной Сварог общался больше образами...

Богумил понятливо кивал.

– Я так понял, что он дозировал для меня информацию, давая ее словно из меха тонкой струйкой, чтобы я успел ее испытать и не захлебнулся в потоке. А вот Ведомир... Он окунулся в это информационное поле, словно попал под мощный поток, его наполнило и чуть не разорвало, как до предела наполненный мех... Он увидел и воспринял информацию кусками, и поскольку бог не контролировал для него ее подачу, то понял все несколько в искаженном виде. Как-то так.

Несмотря на сумбурность речи, Богумил продолжал понятливо кивать.

– И что это за железные черви-змеи, птицы и рыбы с людьми внутри?

– Хм-м... Железные червозмеи – это повозки, что-то вроде крытых телег, соединенные между собой. А ездят они под землей на специальных железных путях... То же самое с птицами и рыбами. В далеком будущем так будут передвигаться люди.

– Кто же их тянет?

– Этого я не знаю... Вроде бы очень сложные машины...

– А огненные стрелы и эти яйца?

– Оружие. Яйца, я так понимаю, что-то вроде больших кувшинов с греческим огнем... А про стрелы я не понял... Я вообще понял не очень много, ведь бог обо всем этом поведал лишь мельком, информация о будущем дошла до меня своеобразным эхом...

Посидев некоторое время и, видимо, пытаясь все это представить, Богумил тряхнул головой.

– Не могу это вообразить, – скорбно признался он.

Остальные выглядели не лучше. Винить их в этом глупо.

– Зачем вообще передвигаться под землей, по воздуху и под водой?

– Так быстрее... Под землей нет больших городов, как Константинополь во времена его расцвета, с населением под миллион человек, нет пешеходов и мелких повозок, никто не запрудит движение, и люди смогут без помех быстро попасть туда, куда им нужно, не тратя на это многие часы. По воздуху можно преодолевать большие расстояния, за те же часы перебираясь из одного города в другой, минуя неудобства от преодолевая рек, гор, пустынь... Под водой нет штормов, что топит корабли...

Рус решил не вдаваться в объяснение военного назначения подводных лодок, а сместить все на погоду и безопасность плавания.

– Так есть же железные птицы, зачем тогда нужны железные рыбы? – удивилась Ильмера.

– Не знаю... Может, железные рыбы нужны для перевозок

большого количества тяжелых грузов, что не поднимут птицы, а не пассажиров?

– Точно!

– Удивительно... – прошептал Богумил. – А зверьки?

– Да, в нас живут зверьки... Одни полезны и играют роль защитников вроде тех же собак, нападая на врагов. Другие вредны. Когда болит живот, и люди исходят поносом, гноятся раны, это работа вредных зверьков...

Рус еще долго отвечал на различные вопросы, тем более что к разговору подключились остальные, так что до обеда он удовлетворял их любопытство, а после обеда до самого вечера пришлось долго разговаривать с Ведомиром, что все-таки пришел в себя и теперь не выглядел, как сбежавший из психушки буйный сумасшедший. Ну, почти... Какой-то лихорадочный блеск в глазах все-таки имел место быть, так что еще ничего с ним было неясно, особенно если снова примет расширяющие сознание вещества, то вновь может случиться обострение...

Но оно того стоило. В том плане, что у него появилась мощная жреческая поддержка, а она все-таки, как ни посмотри, не помешает.

Переночевав, утром следующего дня отправились в столицу Антской империи, расположившуюся в дальнем краю довольно глубокого залива. Благо плыть недалеко, всего-то километров десять. Даже не ясно, чего на конях к жрецу не поехали. Разве что из-за проблем с водой?..

Что сказать о самой столице? Большая деревня. Чуть больше ста полуземлянок с большим длинным домом с дерновой крышей в центре, в котором жил каган со своим обширным семейством. Дворец типа, половину которого занимал пиршественный, он же тронный зал. Городище расположилось на небольшом возвышении и дополнительно обнесено сухим рвом, плюс частокол. Чтобы попасть внутрь, следовало пройти по мостку, что в случае штурма можно легко убрать. Воду брали из впадающей в залив не то мелкой речушки, не то большого ручья. Внутри имелся свой колодец.

Каменных зданий вообще не было. Хотя, казалось бы, камня хватает, буквально под ногами лежит... Раз уж кирпич сделать не судьба из-за проблем с топливом на такое производство, образцов каменного строительства в округе тоже полно, ну так постройте нормальные дома, это ведь совсем несложно. Специалистов нет даже на такое убожище? Ну так их у южных соседей полно, наймите, тем более что они сейчас практически без работы сидят, Ромейской им-

перии после чумы не до строительства. Но нет, живем, как предки наши жили, по старине...

«Вот еще один жизненный принцип, который ломать надо», – подумал с тяжелым вздохом Рус.

Он подозревал, что сделать это будет весьма непросто. Проблема даже не в косности мышления и не в лишнем труде, просто обстоятельства такие складываются и дальше станут складываться...

Казалось бы, предстоящий исход – отличный способ изменить ситуацию, но это не так. Дома в преддверии зимы придется строить быстро, вот и построят снова полужемлянки деревянные. Оно вроде как временное жилье, но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Не надо быть провидцем, чтобы понять, что то одно, то другое помещает выйти на следующий цивилизационный уровень... Не до каменных домов станет, выжить бы...

«Ладно, разберемся», – пообещал он себе, что еще при его жизни будет построен большой каменный город со всеми необходимыми атрибутами вроде канализации, водопровода и всего прочего.

Ладья, стукнувшись бортом, пристала к пристани. Торжественной встречи ему, конечно, не устроили, но, как он знал по опыту братьев, прошедших полную инициацию, Пан все-таки устроит в его честь пирушку. Но она чуть ли не каждый день, эта пирушка, проходит...

В заливе хватало лодок, в основном рыбацких, в сторонке

стояли два десятка ладей, а еще увидел малую ромейскую галеру, явно купеческую. Значит, приехал торговец за солью, ну и еще за всяким разным, что могли предложить славяне, в том числе рабов. Правда, как знал Рус, в этом году сезон с добычей живого товара не удался.

Соль и рабов меняли в основном на небольшое количество оливкового масла и паршивого качества вино, да еще свинцом отравленное. Вон выносят амфоры... Испортившийся климат не давал винограду как следует вызреть, накопить достаточно сахара, вот и получалась кислятина, а чтобы ее хоть немного сбить добавляли «свинцовый сахар».

«Вопрос в том, знают ли эти гребаные виноделы, а также торговцы о том, что это яд?» – с раздражением подумал Рус.

Его в один момент охватил гнев. Захотелось поубивать этих тварей, травивших в том числе и его, ведь реципиент также употреблял этот напиток. И сейчас Рус буквально ощутил тот неприятный привкус, остающийся во рту после употребления освинцованного вина. Рука сама легла на рукоять меча и даже потянула его из ножен.

– Что случилось, брат? – встревоженно спросила Ильмера, заметив состояние Руса и тронув его за руку, останавливая движение.

Остальные также посмотрели на него с тревогой и недоумением. Оно и понятно: все спокойно, врагов не видно, как и внутренних недругов, но тем не менее выстроились в оборонительную формацию, готовые в любой момент вступить

в бой. Даже волкопес Ильмеры, почувствовав общее настроение, зарычал, оскалив пасть и встопорщив загривок.

– Вино... оно отравленное...

– Что?! – вспыхнул Славян.

Мгновение, и клинок оказался в его руке. Он бы уже по-мчался рубить ромеев, если бы Славяна не придержал за плечо Огнеслав.

– Спокойно, Барс... Не надо спешить. Никуда они от нас не денутся. Ты уверен, Рус?

– Да... Бог показал мне в том числе и это... Отрава слабая, но лучше бы была сильная и явная, потому как эта отрава коварная и бьет не только по тому, кто пьет вино, но и по потомству. Помните последних сыновей и дочерей Пана: Милослава, Тихомира и Гасаву?

Все кивнули. А как тут не помнить, ведь родились они откровенными дурачками? Еще несколько не дожили и до десяти лет, ибо имели уже физические дефекты. Пошли слухи о гневе богов, и Пан от греха подальше решил больше отпрысков не плодить, заставляя жен и наложниц принимать отвары, не позволяющие им беременеть.

– Ты хочешь сказать, что...

– Да, это результат употребления в большом количестве подобного вина. Да, само здоровье отца сильно пошатнулось, и это результат не только возраста, но и все того же вина.

Огнеслав понятно кивнул. Пан в последние годы и правда подналег на вино, ну и как результат получил сильное

отравление организма. Свинец коварен, бьет по всем внутренним органам, зрению, ну и, конечно же, по мозгу, из-за чего каган стал излишне гневливым, и при этом у него изрядно упала планка айкью, то бишь отупел. Раньше эти все негативные факторы списывали на возраст, дескать старость – не радость, но теперь-то стало ясно что к чему.

– Надо ему все рассказать! – с тревожной озабоченностью воскликнула Ильмера.

– Конечно, надо. Вот прямо сейчас пойдем и расскажем, – кивнул Рус и сделал шаг к городищу.

Его, конечно же, никто не подумал останавливать при входе во «дворец», как и Ильмеру со Славяном, а также Огне-слава. Остальные воины остались снаружи на тот случай, если потребуется силовая поддержка.

Купец оказался внутри и разговаривал с Паном, скармливая ему и его «боярам», что также сидели за столом в количестве двух десятков, байки различной степени достоверности или веселости, распивая одну из амфор только что приобретенного вина. Был он один, но чувствовал себя у этих диких варваров в безопасности, потому как если те дают слово о неприкосновенности гостя, то держат его.

– О, мальчик мой! Ты вернулся, хотя я ждал тебя еще вчера. Но оно и к лучшему... Иди сюда, выпей со мной вина, что привез мне сей торговый гость Евагрий. Оно гораздо лучше того, что готовилось для пира в честь тебя!

– Благодарю отец, но откажусь...

– Почему? – нахмурился Пан.

– Вино отравлено.

– Что?!!

– Это ложь! – вскочил Евагрий. – Я ведь тоже пью это же вино!

Ближники Пана также оказались на ногах, опрокидывая лавки и отшвыривая кубки, из-за чего красная жидкость, точно кровь, обильно разлилась по столу.

– Может, то, а может, и не то... Вполне возможно, что пьете сейчас именно чистое, не подслащенное «свинцовым сахаром»... А может, и подслащенное, в малых дозах оно не сильно вредит здоровью, особенно если его отрыгнуть сразу после распития с тупыми варварами. Да, Евагрий?..

– О чем ты говоришь, Рус? С чего ты взял, что вино отравлено?

– Об этом мне в числе прочего поведал сам Сварог в момент проведения обряда полного совершеннолетия...

– Что?.. – изумился Пан.

Да и остальные стали взирать на него с выпученными глазами.

– Я говорю правду. Жрец Ведомир подтвердит.

– Я верю... но продолжай про вино... – несколько запинаясь, попросил Пан.

– Так вот, ромеи нам везут самое поганое вино, что у них получается, а чтобы его не выкидывать и поиметь с нас прибыли, они его немного улучшают, добавляя свинцовый са-

хар, что является ядом.

– Это ложь!

– Славян, заткни его...

Младший брат с явным садистским удовольствием на лице врезал купцу под дых, отчего Евагрий согнулся пополам и рухнул на колени, жадно хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

– Будешь говорить, когда тебе это позволят, – добавил он купцу.

– Так вот, о том, что это яд, они знают. Яд медленный, при этом действующий не только на тех, кто его пьет, делая их глупыми, гневливыми и жестокими, но и на потомство. Так выродилась знать Рима, что также сластила вино, им готовили еду на свинцовой посуде и пили они воду из свинцовых труб, а женщины еще и пользовались белилами, сделанными из все того же свинца. Вспомните их императоров, Нерона, Калигулу, и я уже молчу о Тиберии Клавдии, что из-за уродства лица даже не мог нормально прожевать еду, и у него изо рта постоянно текла слюна...

Откуда вообще славяне знали об этих императорах, даже по нынешним меркам далекого прошлого? Так купцы развлекали варварских вождей различными байками во время попок (традиция обмывать сделки родилась не вчера), что делало их более успешными и желанными гостями во время следующих торговых операций. Для вождей какое-никакое интеллектуальное развлечение...

– Эти греки, что называют себя ромеями, об этом знают и теперь травят нас, желая, чтобы мы выродились, как римские правители, что под конец уже не могли произвести потомства, чтобы наш народ под дурным управлением стал слабым и его можно было бы легко поработить.

– Это лишь слова... неправда... – прохрипел чуть оправившийся ромей. – Каждый может назвать себя гласом бога... Какие ваши доказательства?

Рус хмыкнул от прозвучавшей последней фразы, оборвавшейся от удара купцу под дых Славяном.

– Что ж, есть и доказательства. Отец, сравни свое здоровье со здоровьем любого другого человека сходного возраста, но который при этом не имел возможности пить ромейское вино, больше предпочитая ставленный квас или медовуху. Да вот хотя бы с кузнецом Титом, что при желании все еще может встать к наковальне и поработать молотом. Так ли слабы стали его члены, так ли больные его внутренности, так ли слабы его глаза... как твои. И еще, вспомни себя молодым. Был ли ты раньше таким же гневливым и нетерпимым? То же спрашиваю и у вас, – посмотрел Рус на соратников Пана, что также увлекались питием ромейского вина в излишне больших объемах.

Каган, да и его свита – своеобразные постоянные представители крупнейших племен – нахмурились, призадумались, и то, что они думали, им сильно не нравилось. Если у кого не было какого-то из перечисленных симптомов, то сила са-

мовнушения такова, что они все это тут же прочувствовали и «вспомнили». Русу для этого даже не требовалось вводить их в состояние измененного сознания. Чистая психология.

— А что до потомства, — продолжил он, — то вспомни своих последних детей, моих бедных братьев и сестер: Милослава, Тихомира, Гасаву и других... Они пострадали особенно сильно. Но пострадали не только они, но и другие, в том числе и мы...

Рус кивнул на брата и сестру.

— Вспомни, как ты проявлял неудовольствие умственными способностями моего старшего брата Беловода, его нерешительностью, как пенял за излишнюю жестокость Коману, как был недоволен порывистостью и нежеланием думать Истра...

Рус мимоходом «пнул» своих соперников, глядишь, и отложится у кого в сознании, что они... сильно порченые.

— А теперь вспомни, отец, как много тыпил этого вина перед тем, как зачать тех, в ком потом так сильно разочаровался. И не был ли сдержан в питии перед тем, как зачал тех, в ком видел больше положительных и радующих тебя качеств?

«Типа меня», — мысленно хмыкнул Рус.

Вспомнить такое, конечно, вряд ли можно, но... тут снова играла чистая психология: если есть четкое объяснение произошедшего, то его принимают как данность, без лишних проверок и сомнений. Опять же, сказывалась упавшая планка критичности восприятия информации каганом и его

присными, кои тоже имели проблемных детей. Они, конечно, тут же списали их поганый нрав на отраву, а не на плохое, а то и вовсе отсутствующее как факт воспитание, и возгорелись жаждой мести. Ну и довлел факт того, что рассказчик сейчас не от себя говорит, а как бы озвучивает сказанное самим Сварогом.

Тут взревели ближники Пана, требуя крови купца. Кто-то даже бросился на него, выхватывая кинжал, но Огнеслав смог его укрыть, объяснив:

– Все должно быть по закону! Мы будем его судить, и он ответит за все перед нашими богами!

– Я не знал, клянусь! Я не знал! – вопил перепугавшийся купец, осознав, что дело пахнет керосином.

Рус кивнул Славяну, и тот снова добавил Евагрию, и купец после еще одного удара, уже ногой в живот, снова заткнулся. Сам каган рухнул обратно на трон, схватившись левой рукой за область сердца.

«Не переборщил ли я? Как бы не окочурился, – с тревогой подумал Рус. – Сейчас это было бы несколько лишним и преждевременным».

– Отец! – К Пану бросилась Ильмера.

– Все хорошо... – Пан глубоко дышал, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники кресла, и краснота, залившая его несколько одутловатое лицо, стала постепенно отступать. – В яму его...

Заверещавшего купца тут же подхватили дружинники и

поволокли прочь.

Следующие несколько часов ворожила, изгоняя зловредных духов, Джива – жрица богини Живы, отвечавшей за врачевание. Она то что-то бормотала, то завывала, то делала пассы руками и воняла травяными дымовушками на конопляной основе. Конопля оказалась забористая, так что через некоторое время Рус начал подхихикивать над особенно смешными ужимками жрицы.

«М-да, с медициной тоже надо что-то делать, – уже на улице, после того как немного проветрил голову, с тоской подумал Рус. – На эффекте плацебо далеко не уедешь...»

Конечно, имелись и действенные средства, то же маковое молочко для снятия боли или мед для обеззараживания ран, плюс живица, но это все ни о чем. Вот в чем хорошо разбирались эти жрицы, так это в ядах... Другое дело, что сам он не разбирался в медицине от слова совсем, и потому требовалось искать местных специалистов, а самые компетентные сейчас проживали в Константинополе.

Как бы там ни было, Пану стало легче, и ближе к вечеру он вновь призвал к себе Руса. Сам остался лежать на широком ложе, устеленном множеством шкур. Выглядел он не очень, темные круги под глазами, тяжелое дыхание... Оно и понятно, пережил не то инфаркт, не то инсульт, Рус в этом не разбирался. Оставалось только радоваться, что Пана при этом

не парализовало на одну половину тела, как это нередко в таких случаях бывает. Ну а что вид кислый, то это тоже легко объяснимо: кто возрадуется, узнав, что дети твои полудурки из-за употребления отравленного вина. Да еще сами дополнительно травятся тем же вином.

– Какое прозвище тебе утвердил Ведомир? – поинтересовался он, отпивая какой-то медо-траво-ягодный взвар, после чего похлопал по ложу ладонью, дескать присаживайся, что Рус и сделал.

– Хм-м, жрецу после произошедшего было как-то не до моих прозвищ...

Жрец мог как подтвердить уже имеющееся погоняло, так и дать свое. Рус в этом плане особо не выделялся и какого-то стойкого прозвания не имел. Прозвища менялись от случая к случаю в зависимости от свершений, иногда не самых благовидных. Вот и его прозвище Огонь появилось не так давно.

– Ну да... – тоже улыбнулся Пан. – Шутка ли, сам Сварог говорил с тобой... Тут действительно не до прозвищ. О чем бог еще говорил, кроме как об отравленном вине?

– О многом... Но стоит ли говорить об этом сейчас? – усомнился Рус. – Тебе необходимо отдохнуть, набраться сил... Джива сказала, чтобы мы тебя не беспокоили. Несколько дней ничего не решают, а так хуже может стать, ведь Сварог поведал мне о не самых добрых вестях.

– Говори.

Глаза Пана гневно сверкнули, и сейчас перед Русом по-

явился не разбитый отец-старик, а верховный вождь, правитель государства, кое он сам создал своими руками и нес за него ответственность.

«Может, оно и к лучшему, – решил парень. – Глядишь, вместо того чтобы заниматься самобичеванием, мобилизуется для решения новых проблем, что встали перед его государством...»

– Хорошо... Главное, что сказал Сварог, так это о том, что наш народ через несколько лет ждет второе нашествие кочевников по типу того, что было двести лет назад...

– Новые гунны...

– Да.

Славянская общность в те годы только формировалась, и неизвестно, чего было больше для племен в прошлом гуннском нашествии, отрицательного или положительного. Что было бы со славянами, не случись гуннов? Стали бы они теми, кем являлись сейчас, или канули в безвестность? Ведь до гуннов о них никто и не слышал... Может быть, именно гунны стали тем фактором, что в итоге сплотил их в единый народ, перемешав между собой и тем самым дав единый язык? Но то, что в прошлый раз, возможно, послужило скрепляющим фактором, в этом случае может стать фактором дробящим. Именно об этой опасности и сказал Рус.

– Ясно... И когда их ждать?

– Я не знаю... не понял... но скоро... Сначала на нас попрут выдавливаемые ими племена гуров, в боях с которыми

мы ослабнем, а потом они нанесут добивающий удар.

– То есть Сварог дал тебе ясно понять, что мы с ними не справимся?

– Да. Если ничего не изменить, то даже если победим, победа будет сродни Пирровой... станем слабыми, и нас добьет любой желающий, хоть те же гепиды.

Пан понятиливо кивнул.

– Сам-то что думаешь? – спросил Пан, пристально на него взглянув.

Рус мысленно хмыкнул, ни на секунду не поверив в то, что отец действительно решил испросить совета у сына, пусть и общавшегося с богом. Скорее это был очередной экзамен.

– Лично я не вижу шансов выстоять, да так, чтобы потом не пасть от рук тех же ромеев. У нас для этого нет двух из трех компонентов. Нет железа для оружия и доспехов, а также нет армии.

– Вот как? – удивился Пан, на этот раз похоже, что искренне. – По железу согласен. Но поясни про армию. Ведь у нас есть много храбрых и сильных воинов...

– Извини, отец, но много воинов – это просто толпа вооруженных людей. Чтобы эта толпа из простых воинов стала армией, они должны быть обучены действовать совместно. Даже нынешние ромейские армии, в которых ты по молодости служил, это бледная тень того, что у них было раньше. По сути, это те же самые толпы из гепидов, лангобардов, готов, галлов и прочих племен, что кидаются на врага и месят

его, пока враг не побежит или не побегут они сами. Нет в нынешних боях ни особой тактики, ни стратегии, я уже молчу о хоть каких-то маневрах на поле боя. Максимум возможного – это послать в бой резервный отряд и ударить из засады, ни о каких маневрах непосредственно вступавших в бой отрядами, как это происходило в прошлом, не приходится даже мечтать.

– Да, я помню рассказы наших командиров о железных легионах, покоривших половину мира и благодаря своей выучке бывших врагов, что многократно превосходили их числом...

Пан снова отпил взвара.

– А что же есть?

– Есть та самая толпа, из которой можно было бы создать армию, но мы ее создать не сможем, даже если удастся собрать нужное количество воев вместе на длительный срок и обеспечить их всех пропитанием на время обучения.

– Почему нет?

Казалось, Пан действительно удивился.

– Причин много. Во-первых, банально некому учить. Разве что нанять кого-то из сведущих в Ромейской империи, но это вряд ли возможно.

– Почему? Если дать много золота...

– Нанять, может, и не проблема, проблема удержать найм в секрете, а потом еще и сам процесс обучения. А это даже не месяцы – годы! Рано или поздно – и скорее рано, чем позд-

но – это станет известно ромеям. Уж в их умении визнавать чужие тайны сомневаться не приходится. В этом они все еще мастера. О чем они тогда подумают?

– О том, что мы готовим армию для похода на них, – усмехнулся Пан.

– Вот именно... Так что в лучшем случае ромеи, просто из предосторожности, подошлют убийц и убьют этого учителя. В итоге гора золота окажется потрачена впустую.

– А в худшем случае?

– В худшем случае убьют не только учителя, но и тебя... из-за чего у нас возникнет смута.

И снова Пан кивнул с хмурым взглядом.

– Продолжай...

– Да и сомневаюсь я, что там действительно кто-то по-настоящему сведущ в этом деле... Во-вторых, я думаю, у нас просто нет времени на вдумчивую учебу. Кочевники кутригуры начнут давить на нас как бы не прямо с этого года, сразу после сбора урожая...

– А в-третьих?

– Много ли будет стоять эта обученная армия без хороших доспехов, отец? Точнее стоять-то она будет очень дорого, а вот эффективность... Будет обидно, если хорошо обученного воина подстрелит простой кочевник-пастух из дрянного лука кривой стрелой, у которой даже наконечник каменный...

С доспехами у славян, да и у прочих, тех же готов и гепи-

дов, не говоря уже о балтах, дело обстояло просто швах. Дорого это. Очень дорого. Хорошие доспехи (и то относительно, в виде кирасы или чешуи) могли себе позволить только вожди. Ближняя дружина, исчисляемая в несколько десятков человек, оснащалась уже сильно хуже – кольчуги разного способа плетения и качества железа. Иногда они были усилены той же чешуей или железными пластинами.

Кольчуга как защита, прямо скажем, так себе, она ведь даже не стальная – железная. То есть сколько-нибудь сильный удар тем же копьём просто разорвет кольца. Не защитит она и от боевой стрелы, не говоря уже об ударе топором, мечом или даже дубиной-булавой, кости хрупнут только так. В общем, оберегает только от режущих ударов и все.

Большая часть воинов, регулярно участвующих в походах за рабами, использует кожаные доспехи из многослойной конской или воловьей кожи, пытаясь их дополнительно усилить роговыми пластинами. У них уже и шлемов-то у большинства нет, из оружия помимо лука – топор. Мечи – редкость, и качество у клинков поганейшее, гнутся и ржавеют быстро. Даже в дружинах мечи не у всех. Что уж говорить об ополчении? У них и кожаной защиты не имеется, шкура, щит да копьё, ну и ножик. В основном все те же дубины.

– И как, по-твоему, нужно поступить?

– Уходить надо...

– Уходить? – изумился Пан. – Куда?!

– На север, отец. В леса, оттеснив балтов, где кочевникам

не развернуться, или за горы к нашим соплеменникам, что обосновались на землях, где раньше жили готы, пока они не ушли оттуда. В горы кочевники тоже не полезут. А если повезет, то найдем там руду железную и станем сами себе оружие и доспехи делать.

– Хм-м...

Пан призадумался. По его виду было ясно, что предложение Руса ему, мягко говоря, не по нутру. Да и кому оно могло понравиться? Бросить все нажитое непосильным трудом, оставить родные края, где все давно знакомо и привычно, и идти в неизвестность?

– Ступай, – после длительной паузы произнес он, вспомнив о все еще сидящем подле него сыне. – Мне надо подумать. Кроме того, такое решение не в моей власти... Придется собирать Верховое вече, даже Великое вече, на нем будем все решать.

Рус мысленно присвистнул, ибо сбор Великого вече – штука редкая, даже редчайшая, по крайней мере на его памяти такого ни разу не случалось. А заключалось оно в том, что собирались не только вожди племенных союзов (Верховое вече), а вместе с ними и простые племенные вожди (Срединное вече), но и родовые главы (Низовое вече). Народу припрется тьма-тьмушая. Но, собственно, в данном случае по-другому и быть не могло, так как вопрос решать действительно предстоит судьбоносный.

Поутру Пан рассылать гонцов во все края своей державы не спешил. Сон, кстати, сделал свое благодатное дело, и выглядел каган если не на все сто... лет, как вчера вечером, то на свои шестьдесят с лишком точно, что и неплохо, учитывая приступ на фоне не самого здорового образа жизни.

Вместо этого он после завтрака, прошедшего в тихой, если не сказать угрюмой, обстановке, приказал снарядить его ладю.

– Куда ты, отец? – спросил Рус.

– Съезжу к Ведомиру... Заодно о твоём прозвище справлюсь, – даже пошутил он.

Ну что же, логичное действие в плане мистического мышления хроноаборигенов – получать на каждое свое действие одобрение высших сил. Ну и отмазка перед народом на случай его недовольства: дескать, это не мой волюнтаризм, а так пожелали боги. А кто мы такие, чтобы спорить с богами?

«Вопрос в том, что ему там жрец накамляет? – подумал Рус. – Вдруг у него за эти дни крыша откровенно протекла? Опять сойдется в битве с Чужим... Остается надеяться на Богумила, что он вовремя заметит непорядок и успеет напоить Ведомира чем-нибудь успокоительным... Главное, чтобы это что-то не было наркотой, а то только еще хуже сделает».

В целом же, по его мнению, жрец Сварога должен топить за переселение, ведь Рус потратил несколько часов на разговоры с ним на эту тему, даже пытался использовать свои умения в плане гипновнушения. Но это не точно. Ведомир, столь ярко ощутив присутствие своего бога, как, возможно, не ощущал его никогда, мог в религиозном экстазе стать чрезмерно воинственным, решив, что теперь бог будет им покровительствовать во всем и всегда, чуть ли не лично поведет их в бой, спустившись с небес.

«Или, чего доброго, меня на это подпишет, назвав аватаром Сварога или чем-то в этом роде», – беспокоился Рус.

Но перед отплытием каган решил выполнить свои судейские функции.

– Приведите купца.

Евагрия оперативно доставили панские дружинники. Выглядел он после ночи в яме уже не так представительно, да и пованивало от него, в туалет никто его не водил.

– Купец Евагрий, я обвиняю тебя в том, что ты целенаправленно травил меня и прочих лучших людей моего рода и племени, – кивнул по сторонам Пан, указывая на пришедших во «дворец» своих ближников, что не могли пропустить такое действие, как суд, тем более что они были непосредственными пострадавшими от действий купца.

– Я не виновен, великий каган! Я всего лишь купец, а не винодел! Я просто покупаю вино у виноделов и продаю его вам, и все! Я не виновен!

– Но ты знал, что они добавляют в вино яд?

– Нет! Откуда мне об этом знать, великий каган!

Пан нахмурился, не зная, как еще уличить купца во лжи. Слово против слова. Разве что, применив пытки, можно добиться иных слов, но, как ни странно, сим действием варвары особо не увлекались, понимая, что от боли слабый оговорит себя. Вот божий поединок – это да, это можно, даже нужно.

«Да уж, со следственными мероприятиями здесь еще хуже, чем с медициной», – горестно вздохнул Рус, хотя сам ни разу следователем не являлся, но книги и фильмы на эту тему хоть немного, но давали понятие о доказательной базе.

– Отец...

– Да?

– Вели принести кувшины с вином с галеры купца, что он заготовил для личного употребления. Мы сравним вкус того и проданного нам вина, и сразу станет ясно, что к чему.

Тоже так себе доказательство. Это имеет значение, если действительно вино окажется разным на вкус. Рус лишь попенял себе, что заранее не проверил этот факт. С другой стороны, ему было наплевать на решение о виновности или невиновности купца, вот и не позаботился об этом раньше.

Но судя по тому, как задергался Евагрий и забежали его пороссячи глазки, пил он что-то иное. И это неудивительно, даже если вдруг действительно не знал о ядовитости продаваемого вина, ибо то, что он продавал, качеством действительно было на уровне «пакетного» винца из ларька, и пить

его уважающий себя человек не станет. Так что риск опростоволоситься в этом плане был минимальным.

Воины оперативно принесли несколько кувшинов и по знаку Пана разлили в кубки желающих продегустировать вино. Возжелали все. В зале поднялся возмущенный гул.

«Надо думать, – с усмешкой подумал Рус, – что вино оказалось на порядок качественней той кислой бурды, что продавали нам».

Не факт, что его тоже не улучшали «свинцовым сахаром», но это уже было неважно.

Послышались выкрики:

- Отравитель!
- Повесить гада!
- Переломать ему все кости!
- Посадить его на кол!
- Содрать с него шкуру и посыпать солью!
- На костер его!!!
- Разорвать конями!
- Утопить!

В общем, фантазия у приближенных кагана работала на полную катушку, с каждым разом придумывая все более жуткие способы казни, при этом еще и совмещая некоторые из них.

- Я не виновен!!! – визжал купец.
- Тихо!!! – рявкнул Пан. – Итак, как мы только что выяснили, ты знал, что продаваемое нам вино отравлено, и сам

пил иное...

– Нет, нет, это не так, великий каган! Это просто другое, старое вино! Старое, вождь! Старое! Как я мог продавать тебе старье?! Я продавал молодое, только что изготовленное...

Рус не выдержал и заржал во всю глотку. Все недоуменно уставились на него.

– Что смешного, Рус?

– Прости, отец, за неуместный здесь и сейчас смех. Не прими его за неуважение. Просто вино – это тот напиток, что со временем при правильном хранении становится только лучше. Так что купец нагло лжет.

– Но я действительно не знал!

– Это уже не важно...

– Выкуп! Я заплачу тебе за себя выкуп, великий каган! Богатый выкуп! – зачастил Евагрий, понимая, что ему грозит смертная казнь, причем не самая безболезненная. – Ведь я торгую с вами не так давно, всего пару лет! А до этого вином торговал совсем другой купец! И я не виновен в произошедших с тобой несчастиях! Не виновен!

И снова Пан нахмурился. Купец был прав.

– Это если он не является частью единого плана по нашей потраве со стороны Ромейской империи, желая превратить начальных людей наших племен в идиотов, – подлил масла в огонь Рус чисто из вредности.

– Нет-нет, это не так!

– Молчать!

Зал погрузился в тишину, создавая комфортную обстановку для обдумывания ситуации и принятия окончательного решения.

– То, что вино отравлено, ты как минимум догадывался, – наконец заговорил Пан.

Купец, видимо, что-то хотел сказать, но его вовремя придушил стражник.

– Догадывался, но все равно продавал нам вино, а значит, виновен в потраве.

И снова стражнику пришлось придушить купца.

– А раз так, то ты проговариваешься к смерти...

– Выкуп... – прохрипел купец.

И снова Пан задумался. О чем он думал, понять не так уж сложно. Смерть купца ему ничего не даст, скорее принесет проблемы с другими купцами, что могут организовать ему бойкот, и торговать станет не с кем. Опять же, в большей части бед конкретно этот купец не виновен, и не стоит скидывать со счетов, что он действительно мог не знать о яде. А что до мелкого обмана со старым вином, что он как бы пил из скупости, дескать раз старое, то и стоит недорого, но на деле оказалось гораздо более качественным, то это тоже можно понять. А вот если отпустить за выкуп, то с этого можно и поиметь неплохо...

– Хорошо. За твою жизнь налагается выкуп в... один талант золотом.

Купец выпучил глаза от прозвучавшей суммы.

«Не слабо, около двадцати семи килограммов золота, – оценил Рус. – Потянет или нет? Купец вроде не из самых богатых, но и не нищий, хотя плавает лично и рискует все же сам, в общем, среднее звено, значит, должен потянуть. Но Пан – не дурак, понимает, что тут пережимать сильно не стоит, иначе родня от купца просто откажется, не став платить...»

Евагрия снова увели и бросили в яму.

После обеда Пан засобирался на капище. Рус с братом и сестрой его провожали.

Парень бросил взгляд на галеру торговца, и его посетила одна идея.

– Отец...

– Что?

– А что ты сделаешь с тем вином, что отравлено?

– Хм-м, действительно, забыл о нем. А что с ним делать?

Вылить надо. Не пить же...

– У меня на него есть иные планы. Как, собственно, и на этот кораблик. Чего ему без дела стоять? Придется кормить этих рабов без дела... Разве что на другие работы их направить? Но это рабов. А с воинами и матросами как быть?

Ну да, если с рабами из числа гребцов особых проблем не возникнет, они прикованы цепями к своим местам, то матросы и тем более воины... В принципе тоже можно на время обратить в бесплатную рабочую силу, но все же рискованно. Опять же придется выделить много воинов для их контроля.

Так что лучше от них избавиться. Не в смысле перебить, а просто сбегать в ближайший ромейский город.

– Решил продать кому? Заняться торговлей? – нахмурился каган.

– Нет, это для меня неуместно... – быстро ответил Рус, хотя мысленно сплюнул.

«Вот отсюда и пошло это дерьмо, что потом станет гирей на пути развития государства, – подумал он раздраженно. – Сначала торговать неуместно, потом производством заниматься не моги... Тоже придется думать, как переломить этот вывих мозгов».

– На разведку под личиной купца хочу отправиться...

– Куда?

– В степь, на восход. Мои слова на вече для многих вождей останутся только моими словами, несмотря на то что их подтвердит Ведомир, так что их надо чем-то подкрепить...

Пан после короткого раздумья медленно кивнул. Интриги – дело такое, кто-то может решить, что это именно сговор с непонятной для них целью и, соответственно, взбрыкнет, подняв волну среди прочих вождей.

– А так, если боги будут благоволить мне, я приведу пленника из степняков, возможно, удастся захватить какого-нибудь высокопоставленного бея, знакомого с планами их хана, что подтвердит мои слова. От этого уже не отмахнуться.

– Хм-м... Это хорошая мысль... Так и поступим. Готовься к походу, отправишься сразу после моего возвращения от

Ведомира.

– Я пойду с тобой! – тут же заявил Славян, стоило только ладье с Паном отдалиться от причала.

– И я! – воскликнула сестра в своей неизменной медвежьей шкуре.

– Иля, это будет опасно... – попытался отговорить сестру Рус. Против присутствия брата он ничего не имел.

– Р-р-р... – насупившись, зарычала она в ответ, и ей стал вторить ее волкопес.

– Хорошо-хорошо, – засмеялся Рус в ответ. – Но будешь делать то, что я скажу. Договорились?

– Договорились! – просияла Ильмера.

– Тогда готовьтесь. Мы пойдем в глубь вражеской территории, и все должно быть идеально.

Брат с сестрой умчались готовиться.

Рус, еще раз окинув взглядом купеческую галеру, подождав управляющего хозяйством кагана (из бывших рабов, откуда-то из Дакии, по имени Филострат, коего переименовали на славянский манер в Фетина, что ему очень подходило, ибо означало «хватающий», ну чисто прапорщик на складе), приказал ему вернуть на борт все амфоры с вином.

– Как прикажете, господин.

– Помимо тех, что купили сейчас, в запасниках есть еще вино?

– Да, господин, пять амфор целых и еще одна выпита на треть.

– Эти пять тоже на борт взамен амфор с маслом, как раз полный трюм. А початую амфору разлей в пустые кувшины из-под хорошего купеческого вина, нечего добру пропадать...

– Хорошо, господин. А как быть с товаром, что был погружен взамен купленного вина? Вернуть на склад? – с надеждой спросил Фетин.

Помимо соли на вино сменяли мотки различной нити, шерстяной, конопляной, крапивной и льняной. Бочонки с дегтем, поташом и медом, а также сопутствующим ему продуктом – воском. Ну и так, по мелочи, вплоть до различного красильного сырья.

Мелькнула мысль про нормальные ульи, что повысят эффективность пчеловодства в разы, а то сейчас диким бортничеством занимаются, но это все придется делать гораздо позже, уже на новом месте обитания. Можно разве что, когда придет время уходить, выпилить из деревьев участки стволов с пчелами и увезти их с собой.

– Оставь. Может, попробуем продать сами по пути, деньги лишними не будут... Возможно, придется потратиться в дороге.

Управляющий спорить не стал, только лишь тяжело вздохнул, будто его имущество от сердца отрывали.

– Рабов сытно накормить. А то про них, похоже, совсем

забыли. А их силы мне потребуются в полной мере, плыть не близко.

– Сделаем, господин.

Управляющий принялся за работу, раздавая указания подчиненным из рабов и вольных слуг, а Рус, ступив на галеру (вообще-то он был в курсе, что это хеландион, но для него все подобные корабли, будь то дромон, либурна, усяко или там трирема, дабы не заморачиваться с классификацией по времени постройки и конструкции, обозначались общим словом – галера), стал осматривать ее изнутри.

Двадцативесельное одномачтовое судно с одним рядом весел, с двумя гребцами на весло. По размерам можно отнести к среднему классу, примерно двадцати метров длиной и около пяти шириной. Осадка достигала полутора метров, в общем, идеальное судно для прибрежного и речного плавания.

Пованивало на галере преизрядно, несмотря на открытые весельные порты и легкий ветерок, продувающий внутреннее пространство насквозь, ведь все свои дела рабы делали прямо тут, никто их в туалет не водил. Хорошо, что палуба и борт устроены так, что отходы жизнедеятельности человека достаточно легко смыть забортной водой, чем и занимался специальный мальчишка-раб в паре со стариком, тоже рабом, что дополнительно отскабливал палубу щеткой. Палуба для этого имела легкий наклон, а в борту имелись отверстия для слива. Но все равно вонь от дерьма и мочи въелась в дос-

ки, и ничего с этим не поделаться, разве что чистить доски с поташом и песком. Но этим надо было заниматься сразу, а сейчас все бесполезно. Экономил на чистоте купец.

– М-да...

Для обновленного Руса картина сорока скованных цепями рабов была, прямо скажем, не самая приятная. К убийцам и насильникам он особой жалости не испытывал, а здесь сидели и такие, но большая часть рабов была просто в свое время захвачена в набегах и продана греко-ромеем.

Вообще сначала он думал сменить рабов, хотя бы половину, на своих воинов, чтобы можно было увеличить количество бойцов на случай неприятностей военного характера, но понял, что это будет не самый лучший шаг.

Сидеть рядом с рабами – это унижение их чести. Лучше тогда совсем от рабов избавиться, но у него не хватит столько людей, чтобы заменить ими всех гребцов. Разве что дополнительно охочих людей созвать. В принципе не проблема, стоит только свистнуть, и набежит столько, что придется кастинг устраивать, но им надо что-то заплатить либо обещать долю с добычи.

Проблема в том, что с финансами у Руса обстояло не ахти, что называется, пели романсы, разве что занимать у того же отца, чего он делать не хотел, а с добычей не факт, что подвернется по пути достаточно жирная и при этом беззащитная. Целенаправленно заниматься пиратством он не собирался. Рискованное это дело, тем более что большого опы-

та в этом специфическом ремесле у славян сейчас нет, а посему потери окажутся чрезмерными, что также неприемлемо.

К тому же рабочие места... Их тогда в срочном порядке придется заменять, потому как заставлять своих дружинников и волонтеров грести в таком амбре – это сущее наказание. На это банально нет времени. Пан долго у жреца не задержится, максимум на три дня, и за это время надо успеть чуть ли не половину галеры перебрать. Так что рабы остаются на своих местах в полном составе (плюс шесть человек палубной команды: кормщик, рулевой и матросы на паруса), а значит, в поход идет только его дружина.

Осмотрев судно и не найдя, к чему можно придраться или что следует улучшить, все равно в морском деле он ничего не понимал (про косой парус только слышал, а как это все должно выглядеть, не представлял, и нет времени переделывать, даже если бы знал), Рус решил также заняться своей амуницией. А то память о ней – это одно, а вот свежий взгляд – другое.

Итак, кольчуга из крупных клепаных колец, классическая лорика хамата, только без воротника-гюйса, каким дополнительно прикрывались римские legionеры. По сути, кольчужная футболка до середины бедер, руки от середины плеча оставались без защиты, даже поручей не имелось. С этим требовалось что-то делать. Прежний Рус относился к защите наплевательски, а вот перерожденному не хотелось получать

раны, даже малые, не говоря уже о серьезных. Тем более что его уровень владения оружием после всего того, что с ним произошло, оставался под вопросом, что он также собирался вскоре это прояснить.

В памяти встали страшные кадры, как с таких вот беззащитных рук скользящим ударом фактически срезаются целые куски мяса. Да и глубокие резаные до кости раны тоже выглядят не менее приятно.

– Бр-р... – Рус встряхнул головой, прогоняя тошнотворные видения. – Что ж, от скользящих ударов руки можно защититься рукавами из кожаных полос или даже роговых пластин, скрепленных внахлест... Так, идем дальше. Шлем...

Обычный шишак без защиты шеи, щек и лица. Даже полумаски не имелось, не то что личины. Оттого и ходят многие с перепаханными длинными шрамами мордами.

– Так, технологические отверстия для крепления нащечников имеются, уже хорошо. Можно сделать из все той же кожи и усилить все теми же роговыми пластинами, если ничего получше не найду. От все того же скользящего удара убережет, и ладно. С шеей хуже, тут кожа точно не поможет, один хоть сколько-нибудь серьезный удар, и позвонки хрустнут, как сухая ветка... С лицом та же беда. Надо будет зайти к кузнецу, может, у него что есть, что можно на скорую руку переделать да пришпандорить к шлему?

С защитой ног тоже все печально, кроме шерстяных штанов плоть ничего в бою не скрывало.

– Тоже имеет смысл сделать кожаную защиту из полос внахлест... – вздохнул Рус. – Хотя бы от пояса до колена. А ниже нужны нормальные поножи.

С оружием обстояло более-менее нормально. Меч – кавалерийская спата, то бишь обычный удлиненный почти в два раза пехотный гладиус. Его можно приравнять к более позднему бастарду ну или к чему-то наподобие. Качествоковки так себе, не откровенное говно, как пехотные римские гладиусы, что можно легко погнуть, встав на лезвие и потянув за рукоять, но и не закаленная сталь, о чем свидетельствовали правленные довольно глубокие зазубрины. Этакая серединка на половинку. Мечи реконструкторов, даже не кованые, а выточенные из куска какого-нибудь стального профиля или еще из каких элементов из катаной стали, на порядок лучше того, что он сейчас держал в руке.

Из холодняка также помимо большого кинжала имелось три метательных ножа в специальной перевязи на поясе.

А вот лук неплох. Не супер-пупер, но и не охотничья одноподеревка. Без роговых пластин, но многослойный, с сухожилиями. Славяне, однажды получив секрет производства гуннских луков, пока что умело их воспроизводили с некоторыми вариациями. Вот Ильмера обладала настоящим гуннским луком, как раз по ее размеру, небольшой, но мощный.

Вообще все воины, по крайней мере из дружинников, являлись неплохими лучниками и проводили регулярные тренировки для поддержания мастерства. Из памяти Рус знал,

что и он должен неплохо стрелять, пусть не так превосходно, как сестра (тут она прямо чистая эльфийка, вмиг стала бы олимпийской чемпионкой), но вполне достойно. В ростовую мишень на дистанции в три десятка метров бил уверенно. А вот Ильмера уже могла поражать отдельные части тела на той же дистанции. В общем, снайперша. Вот только, чтобы достичь такого результата и не опозорить богиню косоруко-стью (раз уж особой силой из-за общей легкости похвастаться не могла), тренировалась фанатично, до изнеможения...

А вот с самими стрелами – беда. Двадцать пять штук всего насчитал в своем колчане Рус. И как он понимал, это еще неплохо, все-таки сын кагана. У других бойцов-дружинников хорошо если по десять штук в колчанах есть. И много ими навоюешь? Но тут пока ничего не поделать. Производство стрел еще тот геморрой, обычная палочка – росток тальника или ивы – не подойдет, по крайней мере для боевого лука, а не для массированного обстрела в ту степь, когда о точности даже заикаться не приходится, но такой способ обстрела практически не практикуется. Даже кочевники такое себе редко позволяют.

Да и с наконечниками тоже все печально. Даже еще печальнее, чем казалось на первый взгляд.

Осмотрев стрелы, Рус только скривился. Половина имела костяные наконечники. Костяные, Карл! Мало того что поражающая способность у них весьма посредственная, так еще и зачастую одноразовые, особенно если зафигачить ку-

да-нибудь в траву с концами. Ну, или наконечник все же обломается.

Проблема с древками гораздо более обширна, чем кажется на первый взгляд. Не каждая древесина на них годится из-за своих свойств. Тут нужно соблюсти противоречивый баланс по упругости-гибкости, прочности и оптимальной массе. Так что древки часто портятся в районе крепления наконечника при ударе о препятствие. И если вдруг не сломал и не потерял, так они со временем сами портятся от сырости, их искривляет, так что только на растопку годны становятся.

С восполнением тоже беда. Производительность просто ужасна, один мастер может произвести в день считанные штуки! Меньше десятка! Сильно меньше, а мастеров таких тоже очень мало.

«Тут помог бы простой станочек, с помощью которого можно было бы точить их сотнями, – подумал Рус. – Но вот только вопрос с наконечниками никуда не денется. Даже с оперением возникают дополнительные сложности, перьев не напасешься на тысячи штук...»

– И что со всем этим можно сделать?

Дальнобойное оружие очень нужно, ведь лучше потратить сотню стрел на одного противника, чем сойтись с ним в рукопашной, рискуя получить ранение. Тем более нужно на тот случай, если враги превосходят числом...

Где-то на краю сознания забрезжила идея, как можно решить этот вопрос, но ухватить ее никак не удавалось.

«Ладно, не буду напрягаться, потом сама всплывет в самый неожиданный момент, как это обычно и случается», – подумал парень.

Также на вооружении имелось три коротких метательных копья – сулицы. Ну хотя бы у них наконечники оказались из железа, хотя простые ополченцы также обходились костяными или даже каменными.

Еще из элементов оснащения – щит. Обычный круглый, сантиметров семьдесят в диаметре, сбитый из досок, с железным умбоном под кулачный хват. Обод, правда, из кожи, но это ведь расходник, по сути, а железо дорого.

И все.

– Ладно, пора идти, Фетина раскулачивать на кожу с рогом, и, может, еще чего интересного найду...

Фетин и впрямь оказался достоин своего обновленного имени, и если с кожей (причем уже прошедшей специальную обработку) и запасами роговых пластин после некоторого колебания все же расстался, то за бронзовое зеркало, что глянулось Русу, бился аки лев.

– Да чего ты так переживаешь? Оно же испорченное! Видишь, какой-то умник его порезал!

– Да, но это ведь это сколько бронзы, господин!

– Да возмещу я тебе бронзу... потом... может быть. Тут сам понимаешь, все от результатов похода зависит.

– Но, господин, так нельзя!

– Можно! Я же не продать его хочу, чтобы потом на пьянки да гулянки спустить, а на нужное дело. Мне это зеркало должно рожу защитить!

Зеркало Русу действительно потребовалось не за тем, чтобы любоваться на свое отражение, тем более что отражение, если не считать глубокой царапины, получалось такое, что он больше походил на Квазимодо. Нет, все гораздо проще: при размере примерно в десять сантиметров в диаметре оно было около пяти миллиметров толщиной, так что если с этим куском металла немного поработать на кузне, то получится очень неплохая личина.

Вообще в «сокровищнице» кагана в принципе хватало

всякого хлама из различного металла: меди, бронзы, олова, железа. Чего тут только не было! Посуда, всякие бляшки, элементы дверных петель, полосы для обивки сундуков, даже гвозди! Хватало всяких фигурок, статуэток и прочей мелочи. Весь этот металлолом являлся трофеями от набегов, когда бойцы мародерили так, что действительно даже гвозди выдирали и сдавали кагану определенную долю. Часть металла поступала в его казну в качестве налогов и даров, а также платы-виры в казну за различные проступки. Деньги-гривны не у всех водятся в достаточном количестве.

«Если все переплавить, то можно было бы сделать с десятков хороших доспехов», – оценил объем цветного лома Рус.

Он не понимал, почему все это богатство лежит, по сути, мертвым грузом. Причем часть лежит так давно, что успела покрыться толстым слоем патины. Синдром Кашея, чахнувшего над златом? Или неприкосновенный запас на случай, если потребуется бухло купить, а денег не будет?

Очень хотелось наложить лапу на еще кучу всего полезного, но тут и впрямь лучше бы поинтересоваться у самого Пана, а то ведь действительно еще чего доброго за грабеж примет. Но вот с зеркалом медлить не стоило, работы тут потребуется дня на два.

С кожей и роговыми пластинами Рус заявился к кожевнику и объяснил, что ему требовалось, то есть нарезать четырехугольники и сшить их внахлест, чередуя кожу и рог, так, чтобы получился тройной защитный слой. И тот обещал все

сделать к вечеру.

С зеркалом, понятное дело, пошел к кузнецу. Его принял сам Тит. Слова о том, что Рус поставил его силу в пример своему отцу, уже широко разошлись по городищу, а как известно, доброе слово и кошке приятно.

– Сделаем все в лучшем виде, – ответил Тит, после того как Рус пояснил, что ему требуется от зеркала, выставив в качестве платы то, что от зеркала останется. – Сам и делаю...

И сделал. Тит в принципе оказался неплохим мастером, причем именно художником-чеканщиком, так что не просто сделал личину более-менее анатомическую, максимум на что рассчитывал Рус. Так-то ему просто хватило обычной пластины с вырезом для глаз да дырочек для лучшего дыхания в районе носа и рта. В общем, пропал в нем большой художник, что после обучения мог создавать мировые шедевры на века. Но увы и ах...

Разобравшись со своей амуницией и вооружением, Рус пошел на стрельбище, чтобы проверить свои стрелковые качества. К счастью, оно оказалось пустым, даже Ильмера отсутствовала, присутствия которой он опасался, так что если что пойдет не так, то свидетелей его конфуза не будет. У «расстрельной стены» – высокого отвесного обрыва стояли «враги народа», то бишь несколько слегка взлохмаченных соломенных чучел. Вот по ним он и начал стрелять.

Первые стрелы ожидаемо летели куда угодно, но только

не в цель.

– Беда...

– Что это с тобой, братец?

Рус обернулся и увидел подходящую сестру.

– Так мазать, это надо постараться... Пил?

Ильмера, подойдя вплотную, так, что Рус невольно отшатнулся от медвежьего носа, что чуть не впечатался ему в глаз, приняухалась.

– Да вроде нет. И я не знаю, сколько надо выпить, чтобы ни разу не попасть...

Ильмера с видимой небрежностью вскинула лук и выстрелила. Стрела попала точно в голову одного из чучел.

– А может, ты головой где-то успел удариться?

– Не бился я головой... – буркнул Рус.

– Тогда как это объяснить?

Валить на бога свою косорукость было бы неправильно, с какой стороны ни посмотри, так что Рус достал еще одну стрелу и, выровняв дыхание, постарался войти в состояние отрешения, позволив действовать подсознанию, чтобы тело сработало на автомате, ведь он умеет стрелять из лука, надо просто не мешать.

Выстрел.

– Ну вот, другое дело, – слышался голос Ильмеры, – а то я уже беспокоиться стала...

Стрела попала в правое плечо мишени.

Рус расстрелял остаток боекомплекта. Второй стрелой

снова чуть не промазал, зацепил правую же руку, но потом дело пошло на лад.

Снова стала стрелять Ильмера, и, как всегда, превосходно.

«Надо бы и ей нормальный доспех сделать», – подумал Рус, глядя на сестру, что была облачена в кожу. Даже роговых пластин не было, не говоря уже о бронзе или железе. Оно вроде как ей не сильно и надо, все-таки дистанционный боец, тяжело, опять же, но и вражескую ответную стрелу никто не отменял.

Собрав стрелы, они вернулись на исходную, постреляли еще, а потом еще и еще раз. Рус доводил стрельбу до рефлекса, точнее восстанавливал навык, добиваясь того, чтобы не требовалось ни прилагать лишних усилий, ни входить в состояние измененного сознания, ибо в реальном бою это может быть опасно, если он сосредоточится только на стрельбе, забыв об окружающей обстановке.

К счастью, к десятому подходу у него все стало получаться. Правда, пришлось заплатить за это пятью сломанными стрелами. Ну и Ильмера не обошлась без потерь, также повредила две стрелы, что вызвало у нее тяжелый вздох.

Пометали ножи в деревянную мишень, что тут также имела. С этим у Руса проблем не возникло. Он и в прошлой жизни любил ножи метать.

«Теперь надо посмотреть, что у меня с рукопашкой», – подумал парень.

В этом ему мог помочь любой дружинник, а еще лучше – брат.

«А может, и сестра, – снова подумал он. – Благо она с мечом».

– Давай клинками позвеним, Уголек, а то ты в последнее время стала подзабрасывать тренировки, – сказал он. – Еще немного, и будешь носить для красоты.

– Давай... – чуть поскучевшим голосом ответила сестра, что также показала хорошие результаты в швырянии ножей.

У Ильмеры оказалось что-то вроде сабли или короткой шашки с чуть изогнутым лезвием.

Схватка началась без раскачки. Ильмера стремительно атаковала, как всегда, делая ставку на скорость и маневр, но сейчас Рус не тупил. Это лук вызывал у него двойственное, противоречивое чувство, ибо вторая половина из будущего с ним дел не имела, а вот с мечом родство вышло полное. Орудовать клинком Рус, в бытность свою Василием Васильевичем, очень даже умел, да и рефлексy этого тела подключились без раскачки, так что атака сестры была отбита и в считанные секунды зафиксирован колющий удар в живот.

– Продолжаем.

Ильмера кивнула и, поджав губы, снова резко бросалась в атаку. И снова быстрый переход в контратаку с фиксацией поражающего удара, на этот раз в левый бок девушки.

– Еще.

Теперь атаковал Рус.

Каждая схватка длилась лишь считанные секунды. Ильмера с каждым новым поражением распалялась и злилась все сильнее, снова раскраснелась, но при этом не теряла сосредоточенности, хотя ей это не помогало добиться успеха.

Наконец тренировочные бои завершились с сухим счетом в пользу Руся.

– Странно... – произнесла запыхавшаяся Ильмера, пытаюсь унять тяжелое дыхание и смахивая со лба выступивший пот.

– Что именно?

– Ты стал хуже стрелять, но при этом гораздо лучше драться... Раньше я хотя бы три схватки из десяти у тебя выигрывала...

«Хм-м, и правда, – припомнил Рус историю спаррингов с сестрой. – Действительно, три схватки из десяти она у меня стабильно выигрывала, а тут...»

Не сказать, что он победил сестру с легкостью, но и без особого напряжения, просто за счет новых финтов. Рус вдруг осознал, что его мастерство по сравнению с прежним выросло если не на порядок, то в разы. Все-таки, будучи реконструктором, он изучал фишки, что прошли практически тысячелетнюю эволюцию.

Сейчас большинство бьется, прямо скажем, довольно примитивно, больше полагаясь на силу рубящего удара, ну и колющий иногда практикуют. Этого при минимуме доспехов у противника более чем достаточно. С финтами особо не за-

морачиваются. Вот и Ильмера по его классификации из будущего крепкий середнячок-полупрофессионал. А ведь сейчас она считается одной из лучших. Одолевают ее не за счет мастерства, а за счет силы удара и выносливости.

«Только не надо впадать в гордыню и считать, что я теперь самый крутой боец», – подумал он самокритично, но все же некоторое облегчение испытал.

– Научи меня тому удару, коим в седьмой схватке одолел!
И тому, что в пятой!

– Хорошо...

Следующие два часа Рус обучал сестру не только этим двум ударам, но и другим, что не успел ей продемонстрировать.

– Ну я им всем покажу в следующий раз! – засмеялась Ильмера, видимо, представляя, как будет поражать дружинников одного за другим на тренировочных боях.

– Ладно, амазонка, идем. Ужин скоро...

«И помыться бы не мешало...» – подумал он, ощущая сильный запах пота.

Вот только с мытьем тут и сейчас два варианта: в море или в реке. С привычными банями, паром и вениками напряг...

«Но ничего, внедрим», – пообещал себе Рус, поставив мысленно очередную запись в списке запланированных дел.

Следующий день прошел в тренировках с сестрой и братом. Точнее больше в обучении Ильмеры и Славяна. Спарринги с младшим братом показали, что уровень владения клинком у Руса действительно сильно вырос, так как раньше Славян стабильно выигрывал половину схваток, сейчас же его уровень опустился до прежней результативности Ильмеры с двумя-тремя победами из десятка.

Оба учились очень быстро, особенно налегал на учебу Славян как истинный фанат мечевого боя. Требовалось всего несколько повторов, чтобы они крутили показанные финты, словно владеют этими приемами уже много месяцев. Так что к вечеру результативность тренировочных боев вернулась практически к прежнему уровню.

Но не только тренировками занимался Рус (все-таки усталость никто не отменял), так что после обеда, в тихий час, когда шевелиться сильно не хочется, да и вредно, так как пища нужно улечься, он общался с моряками, точнее с кормчим по имени Клеарх.

Моряки вели себя спокойно, жили они в одной гостевой полуземлянке, никто их не гнобил, знали, что им ничего по большому счету не грозит, в рабство не обратят, хоть и варвары, ибо до них давно довели смысл произошедшего, так что за все ответит сам купец, с них взятки гладки. Им да-

же свободное перемещение по городищу не ограничивали, в отличие от охраны купца, только к кораблю не подпускали, чтобы не угнали.

Рус хотел узнать ходовые характеристики купеческой галеры и степень знания кормчим акватории Черного моря и основных рек, чтобы понять, сможет он его довести до нужного места или придется искать специалиста на стороне в том же Херсонесе, чего очень не хотелось бы, ибо это и время, потраченное впустую, и деньги, так как услуги кормчего, надо думать, будут стоить не дешево, да и сомнительно, что кто-то наймется к варварам.

Теоретически он может провести судно сам, не заблудится, но все-таки лучше в этом довериться профессионалу. Все дело в течениях, было бы глупо тратить время и силы, выгребая против потока там, где можно спокойно доплыть без лишних усилий.

Для этого он обшарил сундук как самого купца, так и кормчего в поиске хоть чего-то, напоминающего карту, и нашел пергаментный свиток, точнее узкую, сантиметров пять шириной, и длинную, около полутора метров, пергаментную ленту с кривыми линиями и условными обозначениями. Вот только ничего не понял, ибо это не была привычного ему вида карта. Единственно, почему он понял, что держит именно то, что ему надо, так это из-за значка с подписью «Херсонес» (к счастью, Рус, как и прочие дети Пана, был грамотным и худо-бедно, но владел греческим и латынью), были там и

другие обозначения населенных пунктов, вот только их названия Русу ничего не дали.

– Это побережье Черного моря? – все же уточнил Рус у Клеарха.

– Да, господин.

– Где мы?

– Вот тут, господин...

– Ясно...

«Точнее ничего не ясно», – все-таки вынужден был признать он, рассматривая эти кроки, о которых раньше только слышал, но никогда особо не интересовался подобным видом картографии. Собственно, он даже не знал, существуют ли сейчас привычного вида карты. Увы, картография античности и раннего средневековья действительно прошла мимо него.

– Так, зайдем с другой стороны...

Расчистив перед собой участок земли, он кинжалом набросал привычную ему береговую линию с Крымом и Азовским морем. Очень грубо, но узнаваемо, по крайней мере в будущем всякий бы понял, о чем идет речь. Отметил кривыми линиями Дунай, Днестр, Днепр и Дон.

– Понимаешь, что это такое?

Клеарх всмотрелся в рисунок.

– Да, северный берег моря.

«Значит, классические карты все-таки есть, – подумал Рус. – Что, впрочем, логично... А то, что оной нет конкретно

у этих торговца и кормчего, так она им, по большому счету, и не нужна».

– Верно. Вот здесь мы, а тут – Херсонес... За сколько мы отсюда дойдем сюда? – показал Рус маршрут из района Одессы до дельты Дона.

– Смотря какой ветер будет, господин...

– Это понятно. Назови длительность при самом благоприятном варианте с попутным ветром и его силой, как примерно дует сегодня, ну и если придется идти только на веслах, при штиле или даже встречном ветре.

– Сложно сказать, господин...

– А ты постарайся.

– Дней десять, господин... – наконец после паузы, во время которой что-то подсчитывал, неуверенно ответил Клеарх. – А если против ветра, то и все двадцать...

– С запасом время при благоприятной погоде взял?

Кормчий кивнул.

– Ладно, будем считать, что дней восемь... Так?

Клеарх снова кивнул.

«Плюс дня два, чтоб добраться до нужного мне района на Дону, то есть район максимального сближения Дона с Волгой, где точно должны авары тусоваться, но это уже узнаем у местных по пути», – подумал Рус.

Вообще эта его спонтанная идея с добычей языка с каждой минутой нравилась ему все меньше и меньше. Слишком уж все как-то наскоком делается. Про глубокое планирова-

ние и вовсе говорить нечего. Он ведь даже не представлял, как, собственно, вообще собирается кого-то захватывать, даже если узнает, где находится подходящая для его целей персона. Авантюра, если говорить одним словом. Но теперь уже поздно отказываться.

Дальше он начал пытаться кормчего по ходовым качествам галеры. Понятное дело, что все зависело от ветра и течений. Но если брать идеальные условия, то есть спокойную воду и ветер со среднестатистическими значениями, то по всему выходило, что при умеренном попутном ветре галера под парусом в час могла проходить около десяти-двенадцати километров. Всего лишь в два раза быстрее пешехода.

С гребцами – до двадцати километров в час, но больше часа на этих гребцов рассчитывать не приходится. Потом требуется длительный отдых. Скорее гребцы требовались для выдерживания курса, чтобы компенсировать неудачный ветер, ну и в случае неприятностей с пиратами (их в Черном море тоже хватало) для интенсивных маневров или, наоборот, чтобы кого-то догнать, ибо купец в эти времена сам в любой момент мог превратиться в охотника.

После ужина Рус предстал перед всеми в обновленных доспехах, кожевник и кузнец справились со своей работой, и теперь его плечи и руки до локтей защищали кожно-роговые рукава. Это чем-то напоминало наплечники и усиленные рукава от лорики-сегментаты. От локтя до запястья защищали обычные кожаные наручи.

Ноги также прикрылись кожно-роговыми полосами, точнее это были полосы из кожи и крупной чешуи (размером с ладонь) из роговых пластин, ноги от колен до ступней закрывали чисто кожаные поножи.

Ну и, конечно, шлем, что обзавелся все теми же кожно-роговыми нащечниками и затыльником по типу ракового хвоста. Рус решил, что затыльник лишним все-таки не будет. А главное – личина. Тит действительно сделал все в лучшем виде, так что маску можно было сдвигать наверх, как забрало у рыцарских шлемов, для чего ему в шлеме пришлось пробить несколько дополнительных отверстий, но оно того стоило.

Все вместе получилось весьма органично и стильно, так что ничего удивительного, что Славян тут же возбудился на сию красоту. Да и не только он, но и дружинники.

– Я такое же хочу! – воскликнул брат.

Сестра ничего не сказала, но по виду было ясно, что и она

не прочь обновить гардероб.

— Если отец согласится оплатить, то получишь, и не только ты, но и Ильмера.

— То есть?

Рус, позаботившись о себе, конечно же, не мог забыть о сестре с братом. Рисковать самыми близкими людьми в планируемом походе он не собирался, так что еще вчера поговорил как с кожевником, так и с кузнецом, заказав им доспехи на Ильмеру со Славяном из тех материалов, что у них имеются в наличии, в долг с выкупом либо отцом по возвращении с капища, либо уже самим Русом, но после возвращения из похода за языком. Люди они не бедные, ремесленная элита, так что на складах у них там много чего есть.

И если раньше его могли послать в пешее эротическое путешествие, несмотря на то что он сын кагана (мало ли этих сыновей, и если каждый будет что-то требовать, то так и разориться можно), то после того как по всему городищу разнеслась весть о том, что Рус отмечен самим Сварогом (друзинники успели растрепать), то есть фактически стал гласом бога, к его хотелкам стали относиться с гораздо большим вниманием, хотя и без лишнего пиетета.

И вот это, то, что к нему не стали относиться как к святому (что наверняка случилось бы в христианской версии религии с соответствующими прогибами), или еще как-то особо выделять, Русу очень понравилось. Он для них остался просто человеком, удостоившимся общения с богом, не больше

и не меньше. Не сказать, что частое явление (если вынести за скобки жрецов, что треплются с ними на регулярной основе), но и не исключительное, так что никто его не донимал, не пытался прикоснуться к святости, чтобы хоть немного урвать ее для себя...

В общем, авторитет его вырос, осталось его поддерживать на нужной высоте.

В итоге перед Паном, вернувшимся к ужину через три дня, Ильмера со Славяном также предстали в обновленном виде. Сестра получила натуральный бронелифчик, что ей по-быстрому сварганили из сильно побитой бронзовой кирасы, а живот прикрывала мелкая кольчуга. Шлем обзавелся простой полумаской. Личина ей была скорее во вред, так как сильно сужала обзор, да и просто неудобно с ней стрелять из лука. Брат получил усиление верхней части кольчуги крупной чешуей, а шлем также обзавелся маской, только простой (похожей на хоккейную, с отверстиями для глаз и дырочками в районе рта), а не анатомической, как у Руса. Руки и ноги также обзавелись дополнительной кожано-роговой защитой, как у Руса.

– Я тебя обожаю! – воскликнула Ильмера и с довольным визгом повисла у брата на шее, после того как облачилась в обнову. Славян также выглядел довольным.

Прибывший с капища Пан выглядел несколько отрешенно-подавленно-задумчивым, так что вполне мог и не заметить встречающих его детей, если бы не непосредственная

Ильмера, кинувшаяся к отцу.

– Что сказал жрец, отец? – спросила она.

– Жрец?.. Дал тебе новое прозвище, теперь ты Финист...

«Далось ему это прозвище... Хотя ничего так, мне нравится», – подумал Рус.

Финист в славянской мифологии по факту тот же феникс, только в образе сокола.

– Ведомир все подтвердил... Нашему народу нужно уходить...

«Но ты к этому не готов, и вся твоя сущность восстает против этой необходимости, – подумал Рус, прекрасно понимая, что чувствует каган. – Все, на что ты положил жизнь, предприняв невероятные усилия, рушится, оказалось бессмысленным... Но и против фактов и тем более божественного откровения ты ничего возразить не можешь, вот и погрузился в состояние грогги».

– ...Все наши земли в скором времени будут захвачены бесчисленными ордами кочевников, – продолжал тяжело вещать каган. – Они столетиями будут сменять друг друга, все новые и новые волны будут приходить с восхода, и лишь спустя тысячу с лишним лет наши потомки вернутся сюда...

За ужином Пан потребовал выпивки. Вина не было, так подали обычной браги на меду, и он ею начал целенаправленно надираться. Пока отец не выпал в осадок, Рус попытался донести до него свои мысли. Можно было и завтра, вот только каждый день на счету.

– Отец, я завтра отправляюсь за пленником, что подтвердит мои и теперь уже твои слова. Корабль готов к плаванию.

– Да... плыви...

– Я пообщался с кормчим, он говорит, что нам потребуется дней двадцать для путешествия. Это если боги будут нам благоволить. Плюс еще дней десять надо на поимку нужного человека, так что на все про все мне потребуется дней тридцать. То есть при удаче я вернусь к двадцатому августа. Хотя надеюсь, что обернусь быстрее.

– И?..

– Великое вече надо назначить на двадцать первое число.

– Ясно... Можно и еще немного позже... На двадцать пятое, а то и тридцатое...

– Не стоит. Пусть придут пораньше, а я постараюсь не опоздать.

– О чем ты?

– Меня беспокоят кочевники, кутригуры. По слухам, у них там в этом году было совсем сухо, так что, как только урожай будет собран, они пойдут на нас в большой набег.

– И ты хочешь воспользоваться Великим вече, чтобы собрать армию и выдвинуться навстречу?

– Да.

Понятно, что на вече придут не просто вожди, они придут со своими дружинами, общая численность может составить порядка десяти тысяч человек, а если каган попросит удвоить число спутников, то соберется немаленькая армия,

которая составит как минимум равное количество с главной военной силой кутригуров, что пойдет в набег.

Поскольку кочевники очень не любят драться с противником, чья численность им равна, не говоря уже о том, чтобы махаться с превосходящим числом, то есть все шансы, что, увидев армию славян, они просто отвернут и вернуться в степь. Как бы плохо ни было, это все равно лучше, чем подохнуть в бою без всякой пользы.

– А если ты не прав, и они не пойдут в этом году в набег?

– Значит, в набег сходим мы. Зря, что ли, собирались?

– Действительно! – засмеялся Пан. – Хорошо, назначу сбор на двадцатое августа и будем надеяться, что ты к этому моменту вернешься с человеком, что подтвердит сведения, полученные нами от Сварога о новой силе в степи, что объединит всех степняков и обрушится на нас...

Каган повеселел, но бухать меньше от этого не стал, скорее наоборот, еще больше зачастил, так что очень скоро опьянел настолько, что перестал связно мыслить, а потом и вовсе отключился.

Пан все-таки вышел проводить своих детей в поход. Выглядел не лучшим образом, опух, от него разило сивухой. Глаза при этом слезились...

«Совсем расклеился», – подумал Рус, глядя на кагана.

– Возвращайтесь с победой, – выдал он традиционное напутствие, после того как со всеми обнялся.

Галера отчалила, мальчишка-раб, у которого оказалась еще одна обязанность помимо смыва дерьма с палубы в паре со стариком, по команде Клеарха начал задавать ритм гребцам, долбя в небольшой барабан. Судно начало довольно резво набирать ход.

Стоило только кораблику выйти из залива и развернуться на восток, встав на основной курс, как вновь последовал приказ Клеарха ставить паруса. Здоровенное серое полотнище, хлопнув несколько раз в момент подъема под порывами ветра, надулось, да так, что закрипела мачта.

Рус хоть и ничего не понимал в мореходстве, но все же взял на себя смелость вмешаться в постановку курса, для начала спросив у кормчего:

– Ты ведь собираешься идти к Крыму вдоль берега?

– Конечно, господин.

– Это слишком долго. Мы потеряем минимум день на проход по вот этому заливу.

– А как иначе?!

– Его можно срезать, пройдя напрямик. Вот так... на юго-восток.

Рус снова нарисовал ножом на палубе примерный облик северного побережья Черного моря и провел черту.

– Как же тогда мы, не видя берега, будем контролировать курс, господин? Если по солнцу, то рискуем уйти в открытое море... Оно ведь движется...

– Я буду контролировать курс. Просто придерживайтесь моих приказов.

Рус успел сделать небольшой компас. Будучи по своим делам у кузнеца, увидел, как один из его сыновей ремонтирует кольчугу. Обычное, в общем-то, дело, если бы не одно «но»: когда сын Тита брал из деревянной площадки очередное колечко, оно потянуло за собой еще одно. На первый взгляд могло показаться, что второе просто зацепилось за первое, но Рус сразу понял, что это эффект магнетизма. Он сам с таким сталкивался не раз, когда к отвертке прилипала всякая стальная мелочь в виде мелких скрепок, болтиков, шурупов, гвоздиков и так далее.

Кольчугу сделали явно где-то на Ближнем Востоке, может даже, в Леванте, где добывали и делали хорошую сталь. Но мысли о кольчуге превосходного качества шли вторым, если не третьим планом. Руса заинтересовал именно магнитный эффект, ибо когда обшаривал галеру, он не нашел ничего похожего на компас. А он в предстоящем плавании не поме-

шает. Так что парень отвлек внимание кузнецов и умыкнул одно колечко. Затем выровнял его и расплющил, закрепил получившуюся стрелку на кусочке еловой коры и опустил в небольшую деревянную чашу с водой, на которой сделал небольшие метки, обозначающие стороны света. И этот самодельный компас довольно неплохо работал.

– Может, тогда вот так сделаем, господин? Дойдем вот до сюда, – указал кормчий маршрут вдоль берега до косы, не доводя до острова, что там имелся дальше в глубине залива, – а отсюда уже точно на юг, срежем залив и выйдем на западный мыс Крыма...

– Экономим всего один день там, где можем сэкономить два?..

В принципе неплохой вариант, в любой другой момент Рус согласился бы на него, но не сейчас. Ему требовалась максимальная скорость. Так что если есть возможность сэкономить два дня, то он не видел смысла отказываться от этого.

– Нет, идем так, как показал я.

– Господин...

– Что еще?! – начал раздражаться Рус.

Внезапная вспышка злобы затопила разум. Захотелось кого-то прибить, причем с особой жестокостью. Просто кого-то повалить, да вот того же Клеарха, на палубу и начать месить рожу кулаками, разбивая лицо в кровавую кашу, а потом рвать пальцами и зубами.

Рус сам испугался таких ярких эмоций, прежде ему не

свойственных, да еще столь, мягко говоря, негативно-животных, даже с каким-то маньяческим окрасом. Именно этот оттенок испугал особенно сильно и удержал от необдуманно-рефлекторного действия.

«Спокойнее, только спокойнее, – попытался он осадить себя, стиснув зубы. – Это не я... Это все тело шалит, к тому же отравленное свинцом... Оно своей исковерканной биохимией провоцирует вспышки агрессии... Спокойнее...»

– Ничего, господин, как скажете, господин... – зачастил Клеарх и, чуть кланяясь, отступил, не желая спорить с впавшим в буйство варваром.

«Убьет ведь, – испугался кормщик. – Вон как выпученными глазами вращает, а рожу как перекосило. Того и гляди вцепится, словно бешеный зверь! Господи Иисусе, спаси и сохрани...»

Кормщик переложил руль, а Русу, с силой, до боли в пальцах вцепившемуся в перила фальшборта, потребовалось еще несколько минут самогипноза, чтобы окончательно успокоиться, взяв вдруг взбрыкнувшее тело в руки.

«Однако себя под контролем надо держать, иначе однажды мозги в самый неподходящий момент может сорвать так, что мало не покажется, – с беспокойством думал он. – Или это остаточный эффект от вселения?»

Ветер в открытом море дул сильно, но плохо то, что вскоре он стал каким-то порывистым, что явно не сильно нравилось Клеарху. Он то и дело с явной тревогой оглядывался

назад.

– Подозреваешь шторм?

– Д-да, господин... – все еще шугаясь легко впадающего в бешенство варвара, ответил кормщик. – У старого Пирота...

– Как?! Пирата?! – невольно засмеялся Рус, припомнив, что кормчий о чем-то переговорил со стариком, что его удивило, все-таки раб, причем с очень позорной работой. Даже невольно представил его в этом образе, в треуголке и попугаем на плече, но получалось плохо.

– Нет господин, Пирота... Он лангобард. Так вот, у него еще ночью заболела голова, а она у него всегда болит незадолго до смены погоды... Так что сами понимаете... Сейчас погода пока ясная, но будьте уверены, через несколько часов она начнет портиться, появятся тучи, а еще через какое-то время вдарит гроза.

Рус кивнул, знал он о метеочувствительных людях. Был у него один друг, что буквально валился с ног, когда происходило резкое повышение или понижение атмосферного давления – следствие сильного сотрясения мозга. У него даже прозвище имелось соответствующее – Барометр.

Вот и местные пользуются подобными ходячими барометрами: у кого голова болит, у кого ломота в костях или старые раны ноют. Специально себе таких людей в команды ищут, дешевых стариков, но сколько пользы от них! И как только они дают знать о резком ухудшении своего здоровья, то кормчие начинают искать укромные места, чтобы переждать

непогоду.

– Может, повернем к берегу, господин?

Рус поморщился. Он понял, что его вспышка агрессии испугала Клеарха, и он не успел рассказать о показаниях своего живого барометра. Расскажи он об этом, и Рус вполне мог изменить свои планы и идти вдоль берега без попыток срезать маршрут.

– Нет. Если я правильно все высчитал, то мы сейчас на равном удалении как от берега Крыма, так и от того северного берега, куда ты хочешь отвернуть. Будем надеяться, что совсем плохо станет ближе к вечеру, когда доберемся до Крыма и станем искать пристанище для ночевки, – скорее для посмурневших брата и сестры сказал Рус, мысленно чертыхнувшись.

Хотя дружинники тоже проявили беспокойство. Тут накладывался еще и тот фактор, что они никогда прежде не уходили в открытое море, так, чтобы не был виден берег, по крайней мере так надолго. Если и уходили за горизонт, то недалеко.

Погодой, согласно верованиям славян, управляет Стрибог.

– Стрибог гневается, – пробурчал Славян.

Но Рус, что называется, закусил удила.

– Идем прежним курсом! Возьми правее! – приказал он кормчему и подправил рулевое весло, после того как посмотрел на показания своего компаса. А потом добавил: – Мы

принесли Стрибогу все положенные жертвы и требы, так что у него нет поводов на нас сердиться.

Перед отплытием они действительно совершили обряд жертвоприношения: жрец зарезал петуха, в воду бросили его потроха, по ветру развеяли пепел от его сожженных перьев. Саму тушку забрал жрец.

«Хорошо устроились, паразиты, – подумал тогда Рус. – Небольшое театрализованное представление – и вот она пища...»

– К тому же я выполняю волю самого Сварога. Или кто-то хочет сказать, что Стрибог желает помешать нам?

На такое никто ничего сказать не решился. Если уж они стали жертвами спора богов, то...

Вдруг из воды стали выпрыгивать дельфины. Рус, чтобы успокоить действительно сильно занервничавших Славяна и Ильмеру, предложил:

– Давайте поднесем дополнительные дары Стрибогу.

«Подкормим дельфинчиков и рыбок», – ехидно добавил он про себя.

Все было готово в считанные минуты, и в воду полетели разноцветные льняные ленты, специально подготовленные на такой случай (лентами тут же заинтересовались любопытные дельфины), зерно и куски лепешек (последними дарами дельфины также не побрезговали). Все, больше бога задобрить было нечем, и оставалось надеяться, что этого ему хватит.

Видимо не хватило... Ветер постепенно усиливался, как-то резко небеса закрылись тучами, и поднялись волны. До шторма еще было далеко, но волнение начало весьма сильно раскачивать кораблик, так что большая часть дружины почувствовала дурноту. Весельные порты, чтобы их не захлестывало водой, закрыли специальными кожаными заглушками-шторами.

«Наверное, это действительно было несколько опрометчиво», – подумал Рус, но куда-то сворачивать было уже поздно, теперь оставалось плыть только вперед, подгоняемым ветром.

Но хуже всего было то, что выдерживать курс теперь стало невозможно, ибо качка сделала компас бесполезным, как ни компенсируй своим телом раскачивание воды в чаше, да и ветер сдувал стрелку, ведь стеклянной крышки не имелось. Теперь, не видя ориентиров, легко можно было свернуть как на север, так и на юг.

– Нет, ветер устойчив и не даст сильно ошибиться, а мимо Крыма не промахнемся... А если и промахнемся, то ничего страшного...

– Господин, парус нужно убрать, – сказал Клеарх, – а то либо мачта сломается, либо сам парус порвется...

– Хорошо, снимайте, но носовой оставь.

– Да, господин.

Даже на малом носовом парусе галера летела прямо как птица. Правда, определить скорость он не мог, опыта нет, да

и кормчий был не в состоянии тут чем-то помочь.

И вот по-настоящему заштормило, их нагнала гроза, за-
сверкали молнии, и хлынул ливень, закрывший обзор, слов-
но стена.

«Только бы не разбиться!» – мысленно молился Рус, вгля-
дываясь вперед, желая и в то же время опасаясь увидеть бе-
рег во время очередной вспышки молнии.

Он повернул южнее, а то слишком уж быстро и неудержи-
мо их несло на восток, а о том, чтобы во время такой погоды
пристать к берегу, нечего и мечтать.

– И это все, на что ты способен?! – вдруг заорал Рус, вы-
плескивая страх и одновременно стресс от попадания в про-
шное со вселением в аборигена, что его все это время под-
спудно угнетало, хотя он старался об этом не думать, но сей-
час его прорвало. – Ну же, Стрибог, давай еще!!!

– Ба-бах!!! – гроыхнул прямо над головой гром, и сверк-
нула мощнейшая молния.

– Да!!! Еще!!! Сильнее!!!

Только сейчас он осознал, как сильно его давило произо-
шедшее, грозящие ему опасности и обыкновенная бытовая
неустроенность, отсутствие множества привычных вещей,
которые раньше воспринимались как само собой разумею-
щиеся, и вот сейчас появилась возможность сбросить внут-
реннее напряжение в таком полубезумном смехе.

Больше не будет теплого сортира, любая болезнь или мел-
кая травма может оказаться смертельной, нужно забыть о те-

левизоре и интернете... В общем, кончилась привычная и в целом безопасная жизнь. Впереди лишь одни лишения... Чего только будет стоить исход и обосновывание на новом месте с неизбежными для этой процедуры конфликтами. А это значит холод, голод, грязь и смерть...

– Ба-бах!!!

Рус на это только засмеялся во всю глотку под полные ужаса взгляды сестры и брата, что решили до конца оставаться с ним, хотя Ильмеру Рус попытался загнать в закуток-каюту под палубу.

– Берег!!! – заорал Славян после очередной вспышки, показывая чуть левее носа.

Наверное, именно этот вскрик брата спас Руса от окончательного помешательства. Он невольно переключился на новую проблему, оставив психологические завихрения в стороне.

Рус навалился на весло, помогая кормчему, доверчивая судно вправо. По крайней мере пытаюсь это сделать.

– Господи, спаси! Господи, спаси! Господи, спаси! – молился Клеарх.

Судно плохо слушалось руля, но все же немного отвернуло и по-прежнему продолжило сближаться с берегом, что отчетливо виднелся темной угрожающей массой во время очередной вспышки молнии. Но в какой-то момент, когда казалось, что до катастрофы остались считанные мгновения, очень уж берег оказался в опасной близости, земля переста-

ла приближаться, несмотря на то что корабль продолжало с прежней скоростью сносить на восток ветром и волнами. Так продолжалось довольно долго, с полчаса, не меньше, а потом, при прежнем восточном сносе, берег стал удаляться, пока в какой-то момент и вовсе не исчез из виду.

– Мы спасены?! – неверяще попытался воскликнуть кормчий, но получилось у него не очень, из глотки вырвался какой-то жалкий клекот.

Рус понял, что они проскочили самый западный мыс Крыма, названия которого он, конечно же, не помнил и теперь их несет к южной оконечности полуострова.

Как и все летние шторма, этот также оказался коротким, корабль мотало еще около часа, и ветер наконец стал стихать, да так, что Рус, при первой возможности переодевшийся в сухую одежду (не хватало еще простудиться), приказал снова поставить парус.

На западе немного прояснилось и стало видно заходящее солнце. А к моменту, когда оно, казалось, вот-вот коснется горизонта, прямо по курсу вновь появилась земля.

– Господин, пора искать место для ночлега...

– Конечно... Рули дальше сам...

Клеарх подвел судно поближе к берегу и, всмотревшись, удивленно воскликнул.

– В чем дело?

– Я узнаю эти места, господин! Еще немного, и мы окажемся в самом Херсонесе! – потрясенно глядя на Руса, про-

изнес Клеарх.

«Бывает же такое!..» – изумился Рус своей удаче.

Ведь это все равно что, не глядя выстрелив за спину, попасть в цель. Захочешь так попасть специально, ни за что не попадешь. Но также подумал о том, что из этой ситуации можно и нужно выжать еще немного репутационных, связанных с богами дивидендов в свою пользу.

– Х-ха! Как сами видите, други, Стрибог этим штормом проявлял не гнев, как мы ошибочно подумали, а расположение к нам! Он нас испытал и одновременно помог! Путь, который занял бы в другое время четверо суток, мы преодолели всего за один день!

«Хотя в гробу и белых тапках я видел такое опережение графика...» – устало подумал он, сам уже плохо понимая, зачем так рисковал со срезанием маршрута.

Конечно, можно списать все на не совсем адекватное восприятие реальности после вселения, та вспышка гнева тому свидетельство, но... копать он в себе не стал. Просто устал.

– Слава Русу!!! Любимцу богов!!! – истошно-звонко, почти истерично воскликнула Ильмера, вскинув руку с обнаженным мечом, да так неожиданно, что сам Рус аж чуть не подскочил на месте.

– Слава! Слава!! Слава!!! – проскандировали дружинники в едином порыве, так же вскидывая выхваченное из ножен мечи.

«Вот и новое прозвище мне придумали – любимчик бо-

гов, — вяло подумал он, ответно вскидывая руку с мечом. — Но данное жрецом мне нравится больше».

Шторм, а главное то, что они чуть не разбились и не утонули, сильно вымотал Руса морально, так что ему пришлось прилагать немалые усилия, чтобы просто устоять на ногах, а не плюхнуться задницей на палубу, а потом и вовсе распластаться на ней звездой.

В последний момент Рус передумал заходить в бухту Херсонеса, приказав найти подходящее место для ночевки где-нибудь в первом попавшемся на глаза удобном месте.

– Почему? – поинтересовалась Ильмера.

– Во-первых, нам нечего делать в городе. Или ты хотела пробежаться по рынку?

– Нет. Чего там делать? – вполне искренне удивилась сестра.

– Хм-м... Во-вторых, это опасно тем, что можем не уследить за командой, и кто-нибудь сбежит.

«Ну да, сейчас матросы, как правило, плавать умеют, сиганут за борт – и ищи их свищи», – подумал Рус.

– А если встать рядом с городом, то возможен массовый побег, ибо искушение оказаться дома или на ромейской земле будет уж очень велико. Если Херсонес им и не родной город, это всяко лучше, чем служить явно психованному варвару...

– Свяжем, – предложил уже брат.

– Тоже вариант, – согласился Рус. – Только вот беда: судно местные знаю, и вдруг выясняется, что вместо хорошо знакомого им купца на нем заправляют какие-то дикие варвары.

– Мы в своем праве!

– Это по нашему праву мы в своем праве, хе-хе, а по их

праву мы обычные разбойники, обманом захватившие судно.

— Они травили отца вином, как и нас с ним!

— И опять-таки это мы теперь знаем, что свинцовый сахар — яд, а они об этом могут и не догадываться, ну или делают вид, что не знают, и доказать этот факт со всей очевидностью в короткие сроки мы не сможем. В любом случае могут начаться проблемы вплоть до попытки захвата нас силами ромейского флота. Не отобьемся и в итоге сами попадем в темницу. Согласимся на добровольную сдачу со справедливым судом, так это может затянуться даже не на недели, а на месяцы, а у нас каждый день на счету. Не зря же сам Стрибог нам столько времени сэкономил!

В общем, место для ночевки нашли в небольшом заливишке с рыбацкой деревушкой. Обустроили лагерь, так, чтобы лагерь матросов оказался в окружении из трех лагерей дружинников. В целом побег исключался, разве что всей толпой ломанутся в воду, но тут галера, а на ней Ильмера с луком, что сразу показала свою меткую стрельбу, выбрав в качестве мишени дерево на берегу.

Ночь прошла спокойно, разве что появился какой-то дедок из деревни, чтобы выяснить, что к чему. Оказывается, вся деревня опустела к моменту входа галеры в залив, жители попрятались в каких-то местных пещерах. Оно и понятно: вдруг пираты за рабамиявились. Но поскольку на грабеж поселения даже намека не было, послали на разведку кого не

жалко и на кого даже самые нищие пираты не позарятся.

Поскольку до Херсонеса было недалеко, километров десять, то Рус решил именно тут избавиться от гонцов – начальника охраны купца с одним сподручным.

К городу решили вообще не приближаться и обойти его стороной, хотя да, Рус хотел хоть мельком посмотреть на поселение, может даже, пройтись по его улицам, а то, может, и не доведется взглянуть на хоть и окраинный, но центр цивилизации в связи с предстоящими событиями, но увы. Рисковать и нарываться на неприятности ради любопытства было просто глупо.

В общем, позавтракали, принесли необходимые жертвы и требы Стрибогу и отчалили. Жертвы с требами, видать, были приняты с благосклонностью, потому как ветер дул вполне крепкий и попутный.

Второй раз заночевали где-то в районе перешейка Керченского полуострова. Тут тусовались какие-то местные кочевники, жалкие остатки некогда великих сарматов. Нападать они и не думали, наоборот, нацелились на торговлю, и Рус прикупил пяток баранов, которых тут же зажарили и съели.

«Может, занять Крым? – ословев от мяса и глядя на огонь, подумал Рус, коего ну вообще никак не вдохновляло переться на север в дебри и болота. – Весь народ сюда, конечно, не переселить, но четверть или даже треть, союз славян и еще кого-нибудь, вполне реально. Выбить отсюда всех этих вонючек, а вместе с ними и ромеев, и превратить полуостров

в неприступную крепость. Всего-то и надо как следует укрепиться на севере, построив там натуральную стену по типу имени Адриана в Англии, тем более что длина этой стены будет куда как меньше островной, километров десять-двенадцать. Тьфу, а не расстояние! Если всем миром навалиться, то за год отстроить можно! Собственно, если даже работать на возведении стены станет всего пятая часть переселенцев, самые крепкие мужчины плюс всех рабов загнать на стройку, то есть совокупно сто тысяч человек, это по десять тысяч на километр, тысяча человек на сто метров, или десять человек на метр. Да какой год?!! За десять дней справятся!!! Да пусть за сто, если делать нормальную стену, а не просто земляной вал. А с преодолением водных препятствий у кочевников не ахти, да и свой флот, пусть и mosquito, но будет...»

Идея с каждой минутой нравилась Русу все больше и больше. Фантазия уже начала рисовать картинки одну лучше и фантастичнее другой, буквально рай на земле. Если подумать, то место со всех сторон преотличное. Климат – курорт, зима не такая, как на севере, по полгода с сугробами выше головы.

С водой в целом тоже неплохо. С крымских гор стекает порядка десяти рек и речушек. Если с ними поработать, все тем же миром построив дамбы и сделав запасы воды с бережливым расхождением, создав ирригационную систему орошения степей, то хватит на все, как на сельское хозяйство, так и на животноводство. Эти дамбы даже можно использовать

для механизации: поставить водяные колеса и крутить с их помощью хоть жернова, хоть молоты кузнечные поднимать.

С полезными ископаемыми тоже неплохо: соль, известняки, глина, строительный камень, даже нефть с газом есть (газ, правда, сейчас нет возможности использовать по назначению), а главное, что есть железо, что еще долго останется мерилom силы, богатства и власти. Как раз где-то здесь, на Керченском полуострове есть залежи железной руды, что хватит на несколько столетий при нынешних способах разработки.

«Но нет ни одной бочки меда без ложки дегтя», – опечалился Рус.

А ложка эта, которая с дегтем, заключалась в проблеме с топливом. Лесов почти нет, как и нет от слова совсем каменного угля, даже самого поганого – бурого. По крайней мере Рус об этом в своем времени ничего не слышал. Можно, конечно, привезти, у кого-то купить, но это ненадежно. Собственно, авары сто процентов перекроют кислород и будут поставлять топливо, только если засевшие в Крыму славяне покорятся. Ромеи с юга, скорее всего, также наложат эмбарго, ведь их вышибли из Крыма. И все, других поставщиков тут нет.

«А если не вышибать и оставить им тот кусочек южного побережья, что они контролируют сейчас? – подумал он. – Они же станут основными покупателями железной и стальной продукции...»

– Нет, это в лучшем случае консервация, – вздохнул он. – О каком-либо развитии общества придется забыть. А потом и вовсе может начаться деградация. Бытие определяет сознание. Ограниченность территории, да еще окруженной врагами на многие столетия, порождает ограниченность мышления и некую внутреннюю мелочность... Как пример – все эти Литвы и Латвии с Эстониями. Карманные собачки. Крикливые, но даже укусить никого как следует не в состоянии. Так и мы можем стать такой же цепной собачкой с поводком в руках сначала у ромеев, а потом у еще кого-нибудь, тех же авар, что станут натравливать нас на своих врагов.

В общем, Рус пришел к неутешительному выводу, что даже если никто не захватит Крым, стена все-таки не панацея, полуостров станет западней, котлом, в котором придется вариться в собственном соку, что не есть хорошо.

Есть, конечно, другие примеры, позитивные, та же Англия или там города-республики Италии типа Венеции, Генуи и иже с ними, но там и рынок более обширен, а Крым окажется ограничен лишь Черным морем.

На следующий день удалось прорваться в Азовское море, и тут пришлось хорошо поработать гребцам, во-первых, ветер подкачал, ослаб, да и дул в прежнем направлении, то есть теперь не в корму, а в левый борт. Так что парус стал только мешать, а во-вторых, в Керченском проливе было довольно мощное встречное течение.

Но пробились, а дальше течение и частично ветер (гребцы

лишь компенсировали время от времени ветровой снос, что не мог исправить руль) вновь подхватили судно и понесли галеру вдоль восточного берега.

Заночевали на берегу, что имел сильную заболоченность. Нездоровые места. Но оно, как оказалось, к лучшему, ибо эта территория и дальше на восток до Каспийского моря находилась под контролем очень воинственного народа – ала-нов. К счастью, они, как и все нормальные люди, топкие места, полные комаров с прочим гнусом, не жаловали, так что местность была пустынна и нападения можно было особо не опасаться, хотя бдительности никто не терял.

Четвертый день пути гребцам пришлось серьезно поработать. Тут и ветер снова подкачал, ну и опять пришлось идти против течения. Как бы там ни было, медленно, трудно, но дошли до дельты Дона и обосновались на одном из небольших островов.

– Ну вот, до реки дошли в два раза быстрее, чем рассчитывали, – весело сказал Рус, хлопнул по плечу кормчего и стал осматриваться.

В дельте Дона полно островов, больших и малых, поросших рошицами и кустарником, не говоря уже о всяком камыше с рогозом, и он помнил из памяти будущего, что тут довольно долго безобразничали и скрывались казаки, так что татары с ними ничего не могли поделать. А значит, и сейчас ничего не препятствует тому, чтобы тут обитали какие-нибудь речные пираты. Было бы кого грабить.

«Собственно, а есть кого?» — задался вопросом Рус и адресовал его кормчему.

Клеарх по этому вопросу ничего внятно пояснить не мог. Если и есть какая-то движуха на реке, то он о ней не знал. Купцы торгуют на морском побережье и стараются не входить и не подниматься по рекам сколько-нибудь далеко. Это сильно ограничивает галеры в маневренности, делая их легкой добычей.

Да кому тут и чего на реке делать? Кочевники с водой дел предпочитают не иметь. Разве что оседлые рода... Беглые рабы? Какие-то отщепенцы-кочевники? Эти в принципе могут. Так что десяток дружинников всегда бодрствовал, всматриваясь во тьму. Но обошлось. Никто на них напасть не рискнул. Если вообще было кому.

С первых же минут подъема вверх по реке настроение Ру-са упало ниже плинтуса. Он рассчитывал дойти до запланированного места – района наибольшего сближения Дона с Волгой за два дня, но видя, с какой скоростью идет галера, быстро понял, что несколько ошибся в своих расчетах.

Под мерный бой барабана, задающий ритм, гребцы мерно взмахивали веслами, толкая судно вперед, но скорость из-за встречного течения оставляла желать лучшего, от силы десять километров в час. Это еще ветер дул попутный! И Рус с ужасом ждал, что этот помощник вот-вот исчезнет, очень уж ветер вел себя... ветрено. То так задует, то этак, постоянно менял как силу, так и направление.

Как бы там ни было, к вечеру, когда установился штиль и гребцы окончательно выбились из сил, пройдя чуть больше ста километров, дошли до места впадения в Дон какой-то крупной реки с правой (восточной) стороны. Рус лишь каким-то чудом вспомнил, что этот приток называется Маныч.

Результат, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Ему оставалось надеяться, что не выбьется из общего плана за счет сэкономленных за счет шторма дней. Но что-то парню подсказывало, что выбьется.

«Завтра, если повезет и будем идти с прежней скоростью при попутном ветре, доберемся до Северского Донца, а это

всего треть дистанции, если не четверть», – подумал он, окончательно падая духом.

По крайней мере становилось понятно, почему купцы предпочитают не соваться в речные акватории. Идея поймать языка-авара ему окончательно разонравилась.

– Всадники, – указал Славян рукой в степь.

В паре километрах от них действительно виднелись три всадника. Приблизившись к судну, они покрутились, посмотрели и ускакали обратно. То ли пастухи, то ли дозорные. Все-таки река – граница между территориями племенных союзов кутригуров и утигуров, а они сейчас на левом (восточном) берегу Дона, то есть в зоне ответственности утигуров. До этого момента аборигенов как-то не встречали, что даже удивительно.

«Но это не значит, что нас не видели», – подумал он, решая, как поступить.

Тут было два пути: или отчалить и переместиться на западный берег, или дождаться делегации от местных. Они ведь не обязательно проявят агрессию и попытаются захватить судно. С их стороны это будет слишком самонадеянно, ибо вряд ли смогут выставить больше полусотни воинов, да и должны понимать, что судно в любой момент может отчалить, оставив их с носом. А значит, с большей долей вероятности, следует ожидать мирного разговора и торговли. Рус уже продумал легенду.

Степняки числом в два десятка человек появились часа

через два, к самому закату, когда все успели поужинать. Количество гостей и их спокойное поведение сразу дало понять, что боевых действий ждать не следует.

– Кто вы?! – спросил степняк лет сорока в богатом ламельном доспехе. – И что делаете на моей земле?!

– Купцы, уважаемый! – чуть склонился Рус, что специально переоделся в шмотки торговца, чтобы соответствовать выбранной роли.

Пришлось даже подискутировать на эту тему с братом и сестрой, заодно объясняя свои мотивы дружинникам, что также могли понять его не так.

– Я же не собираюсь становиться торговцем, это просто маска, военная хитрость...

Вообще не сказать, что Рус был полиглотом, но помимо ромейской греко-латинской мовы ведал и язык главных врагов славян – гуров. Собственно, не сильно он отличался от славянского, все-таки гуры – это те самые протоболгары, так что разница была как между современным русским и, скажем, белорусским языками.

– Торговец?

– Да. Торгую вином, маслом, тканями и всем, что только может принести прибыль.

– Не помню, чтобы торговцы заходили в реку...

– Я молодой купец, только начал свое дело, хоть отец и не пожалел средств на мое снаряжение, вон какой корабль дал, но все основные направления уже поделены между старыми

торговцами, и вклиниться туда очень трудно и разорительно. Могут ведь и пиратов на меня натравить, чтобы избавиться от конкурента. Так что я, чтобы не разориться и получить доход, ищу новые рынки. И вот решил попробовать подняться по реке и попробовать вести торг с вами.

– Вот как? Это интересно...

«Ну еще бы, – хмыкнул Рус. – Не надо быть гением, чтобы понять выгоду тех, кто живет сильно выше по течению Дона, ведь все черноморское и азовское побережье контролируется живущими там родами, которым нужно платить пошлину за доступ к торговым площадкам, а то и откровенно враждебными племенами, вроде тех же аланов, кои могут просто ограбить. Так что если купцы будут сами пробиваться к ним, то это кочевникам только в радость».

– Приглашаю тебя к моему очагу испить вина, уважаемый...

– Меня зовут Томуз, сын Фарса, главы рода Калаус.

– А меня звать Оптил, сын Герасима.

– Приветствую тебя Оптил, сын Герасима, на моей земле.

Томуз слез с коня и поручкался с Русом, как было принято в это время, то есть не ладони сжимали, а в районе локтя или запястья. Сели на ковер, и Рус воздал благодарность Стрибогу, что направил легкий ветерок так, чтобы ядреную вонь прежде всего конского пота от кочевника сносило в сторону.

Впрочем, если быть справедливыми, то вонь от самого утигура не столь уж и сильна, по крайней мере какую-то ги-

гиену эти кочевники все же соблюдали. Рус сам раньше во- нял так же, если не мощнее. Это сейчас, когда он стал мыть- ся при первой возможности, чужой запах стал чувствоваться резче. По поводу его частого мытья, кстати, на него его брат с сестрой, а также дружинники стали коситься, но пока не лезли. И с этим тоже еще предстояло что-то делать.

Ильмера, переодетая в служанку (для чего пришлось на- помнить ей ее согласие выполнять все его распоряжения, ка- кими бы они ни были, а то очень уж противилась отведен- ной ей роли), подала Томузу кубок с вином, едва удерживая на лице маску доброжелательности. Рус, мысленно хмыкнув, глядя на нее, первым отпил из кубка, хоть и пришлось пить то самое «свинцовое» вино.

«Ничего, пробуюсь», – подумал он, тем более что для того и не наедался, плюс масла употребил.

Дальше потек малозначимый «ритуальный» разговор про стада, погоду, здоровье, жен, родителей, детей и так далее, и тому подобное. Если «ужать воду», то получалось, что воды как раз не хватает, солнце иссушило траву, отчего скот худой, а сами стада тают как снег под тем же солнцем весной. Приплод гибнет из-за нехватки молока, так что приходится убивать двух из трех телят, чтобы оставшийся был сыт. Степь и правда выглядела серо-желтой.

Так же для Руса выяснился один нюанс, чего раньше не знал ни реципиент, ни сам вселенец, а именно тот факт, что по крайней мере часть гуров, около трети, не чистые кочев-

ники, а этикие полуоседлые, и многие рода вполне занимались земледелием. Что скотоводство у них челночное, с разделением на летние и зимние пастбища. Вот по ним-то засуха и жажнула, что называется, наотмашь, угробив элемент земледелия.

Но и чистых скотоводов тоже придавило, и они смещались со своих круговых кочевий на земли полуоседлых, из-за чего в степи то и дело шла перманентная резня племен между собой за лучшие пастбища.

«Тем самым стачивают свои силы перед угрозой со стороны авар, которые в конечном итоге воспользуются их ослаблением», – подумал Рус.

Впрочем, в этой части для него не было ничего нового. Так было, так есть и так будет еще очень долго.

Лишь когда они уговорили один трехлитровый кувшинчик и собеседник похорошел, стало возможно перейти на сторонние и более интересные Русу темы. В частности, он, напирая на свой торговый интерес, хотел узнать, кто где находится, у кого с кем какие отношения, ну и, конечно же, про авар.

– У меня есть не самые достоверные сведения, что эта река в одном месте, дальше на севере, очень близко сходится с другой столь же большой рекой – Волгой, что впадает в Каспийское море.

– О! Ты хочешь попасть в то море?!

– Да, другой водный путь через Кубань и Терек держат

аланы, а они слишком жадны, да и путь не самый удобный: горный участок очень мешает, много по тропам не провезти, сами речки мелкие, особенно в верховьях. Так что мне очень хочется знать, что за рода и племена там живут. Знаешь ли ты о том что-то?

– Хм-м... – нахмурился Томуз. – Знаю, и скажу тебе Оп-тил, что в не самое удачное время ты решил открыть новый торговый путь.

– Что ты этим хочешь сказать, уважаемый Тормоз... э-э... Томуз?

– Через Волгу на наши земли то и дело пытаются пробиться чужие племена, мы с оногурами, что кочуют севернее, и савирами, кочующими на юго-восток, их сдерживаем... Даже аланы приходят с ними биться, так что обстановка для торговли не самая лучшая. Они не знают пощады, ибо жестоки, как бешеные звери, пьют кровь и поедают печень поверженных ими воинов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.